

Цитадель

Андрей Антоневи́ч

18+

Андрей Анатольевич Антоневи́ч

Цитадель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51678715

SelfPub; 2024

Аннотация

Альтернативный прогноз существования человечества после Третьей Мировой войны, действия которого разворачиваются в недалеком будущем на территории Западной Белоруссии, где люди смогли выжить только благодаря сбою в работе климатического оружия.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
I	4
II	8
III	17
IV	25
V	34
VI	41
Глава 2	48
I	48
II	55
III	63
IV	68
Глава 3	77
I	77
II	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрей Антоневи́ч

Цитадель

Часть первая

Глава 1

I

Солнце лениво выползло из-за горизонта, щедро раскидывая золотистые лучи налево и направо, посылая тем самым всему живому недвусмысленные сигналы, что наступило утро и пора просыпаться.

Приятное мягкое тепло июня, которое через несколько часов неотвратимо превратится в липкий зной, весело прогоняло с земли ночную спасительную прохладу и радостно обнимало скукоженную листву деревьев, не спешивших ответить взаимностью стремительно нагревающемуся воздуху.

Город, раскинувшийся по обе стороны от обмельчавшей до минимума реки Мухавец, медленно приходил в себя.

Редкие электромобили, резво катившиеся по идеально ровным дорогам среди красивых многоэтажек, прорежае-

мых то тут, то там небольшими неказистыми и приземистыми строениями, представлявших историческую ценность, умудрялись друг друга подрезать и тогда в воздухе слышался виртуозный мат.

Это контрабандисты среднего звена спешили к границе, чтобы организовать безопасную работу для своих «несунов», которые таскали в себе по обе стороны от границы все, что могло войти в человеческий организм, без относительно явного для него вреда, во все возможные проходы и при этом приносило доходы.

Мелкие птахи, пользуясь прохладным моментом, весело щебетали в воздухе и носились друг за другом словно угорелые. Казалось, что у них все хорошо и жизнь только начинается...

Их энтузиазм совсем не разделял местный маргинал Аркадий, который, опасливо посматривая на резвящихся птиц, тщательно выбирал место, чтобы повесить для просушки свой, слегка обмоченный, матрас.

Решив, что крыша домика на детской площадке это самый идеальный вариант, Аркадий поспешил занять место под солнцем, чтобы через несколько часов, когда он закончит обход своих владений и соберет урожай из специальных контейнеров, предназначенных для сбора стеклотары, он смог спокойно устроится на просохшем матрасе в приятной прохладе технического этажа одного из соседних домов.

– Ах ты, иждивенец! – остановил его громкий окрик двор-

ничихи. – Ну...у...у-ка, пошел вон!

– Аглая Степановна, – укоризненно закивал всклокоченной в виде облезлой мочалки бородой Аркадий: – как вам не стыдно использовать этот термин... Я не иждивенец. Я всего лишь случайная жертва непродуманной социальной политики нашего государства.

– Я сейчас, как возьму тебя, за твои патлы на подбородке, – угрожающе зашипела миниатюрная дворничиха, целясь металлической пикой на пластиковой рукояти прямо в правый глаз маргиналу: – да как гваздну тебя твоей дурной головой об этот домик.

– Хочу возразить, – опасливо отступая в сторону и прикрываясь матрасом, парировал Аркадий: – моя борода не патлы, а весьма модный естественный аксессуар, который еще двадцать лет назад прельщал к себе женщин... Просто, сейчас я не имею финансовой возможности обеспечить ей должный уход.

– У...у...у... – сделала угрожающий выпад пикой в сторону Аркадия дворничиха.

– А по поводу дурной головы, – сделав вид, что это не он от опасного маневра Аглаи Степановны испортил воздух, продолжил маргинал: – то смею заметить, что у меня два высших образования.

– Пошел вон! – не на шутку разошлась дворничиха и прихватила в другую руку увесистый металлический совок, который с целью уменьшения износа, благодаря чьей-то «свет-

лой голове» в коммунальном хозяйстве, был изготовлен не из пластика, а из ржавого железа.

– Я... Опасный человек, – оскалился гнилыми зубами Аркадий. – И я могу ответить агрессией на агрессию...

Неизвестно чем бы закончилась схватка между жилистой и весьма обозленной на свою жизнь и весь окружающий мир Аглаей Степановной и, умудренным тяжелым жизненным опытом, бывшим теневым бизнесменом Аркадием, если бы он в это время не заметил, как татуированная по всему телу непонятными иероглифами и рисунками бабулька в открытом коротком платье, ковыряется в контейнере для стеклотары и без зазрения совести выуживает из него... его бутылки...

– Ах, ты, иждивенка! – закричал дурным голосом Аркадий и бросился на бабуку, оставив матрас на попечение Аглаи Степановны.

Мастистая старушка невозмутимо оторвалась от своего занятия и как только «хозяин контейнера» приблизился на расстояние удара, врезала ему стеклянной бутылкой от отечественного шампанского по голове...

Утратив контроль над организмом, Аркадий, ведомый непослушными ногами, отклонился от цели в сторону и рухнул на асфальт.

– Что?! – рассвирепела, подняв вверх совок, дворничиха. – наших бить?

– Ббах...х...

– Ба-бах...

– Бах... Бах...

Вдруг разорвали тишину утра громкие разрывы, доносившиеся где-то со стороны Польши.

– Что это? – испугалась Аглая Степановна.

– Праздник сегодня, – прокуренным голосом пояснила бабулька в татуировках, принюхиваясь к одной из бутылок, в которой на дне плескалась коричневая жидкость.

– Какой праздник? – изумилась дворничиха.

– Не помню, – ответила агрессорша в коротком платье.

– День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны, – счел нужным просветить, оказавшийся самым образованным в этой честной компании, Аркадий, прижимая грязные руки к кровоточащей ране на голове. – Двадцать второго июня сегодня... В Крепости реконструкция боевых действий... Значит вечером там бутылок будет столько, что всем хватит поправить свое материальное положение... Правда ненадолго...

II

Официально, реальных участников Великой Отечественной войны в живых не было уже более десяти лет, однако на праздничных мероприятиях посвященных Великой победе, с каждым годом ветеранов становилось все больше и больше. Теперь сюда приходили непонятные люди, увешанные

такими же непонятными медалями и орденами, которые родились далеко после войны, но утверждали, что они участвовали в Отечественной.

В прошлый раз, когда Дмитрий находился на массовом мероприятии в Брестской крепости в честь празднования «Девятого мая», он невольно стал свидетелем разборок между мнимыми ветеранами, которые не могли поделить стул для почетных гостей на Площади Церемониалов.

– Пошел вон, самозванец! – кричал шустрый мужчинок лет семидесяти пяти в потертых джинсах и сером пиджаке с криво увешанными медалями, почему-то на правой стороне, сталкивая со стула рыхлого дядю, возрастом чуть помоложе.

– Это, я-то, самозванец? – возмущался дядя, тряся юбилейными медалями Министерства по чрезвычайным ситуациям, которые, в отличие от медалей шустрого мужчинки, висели ровно на планке и на правильной стороне, правда, льняной рубашки с национальным орнаментом. – Я узник еврейского гетто, а ты кто такой?

Остальные почетные гости, большинство которых были основные чиновники города и их родители, которые и являли собой ветеранов, имея с этого всевозможные льготы и преференции, лишь недовольно косились в сторону нарушителей спокойствия и продолжали улыбаться, проходившим мимо колоннам с представителями трудовых коллективов предприятий и учебных заведений города.

– Если ты узник еврейского гетто, – кипятился шустрик,

поглаживая себя по блестящей лысине, – то я... я...

– Ты, свинья... Ты с моим младшим братом в один класс ходил. Думаешь, если налысо побрился, то тебя никто и не узнает? – вынул из рукава козырь рыхлый и еще больше расплылся на стуле.

Не зная, что ответить, шустрый мужчинка присел возле своего оппонента на корточки и сделал вид, что сидит на стуле. Однако через несколько минут, осознав, что в таком положении до конца церемонии не продержится, он присел на колени скрюченной старушке в инвалидном кресле...

Лидия Сергеевна – одна единственная среди почетных «ветеранов неизвестных широкой общественности войн», действительно видела все ужасы концлагеря Саласпилс, где ее использовали в качестве опытного образца по испытанию вакцины, призванной увеличивать скорость регенерации поврежденных человеческих тканей. Гениальные ученые Третьего рейха поставили перед собой цель создать средство, которое позволило бы не только быстро восстанавливать поврежденную плоть солдат, но и позволило бы организму восстановить утраченные конечности...

Отрубленные пальцы на ногах Лидии Сергеевны так и не отросли, но вакцина действовала.

Ей было уже сто двадцать восемь лет...

Ее мозг и сердце находились в идеальном состоянии, однако остальная мышечная ткань, все-таки, со временем атрофировалась и теперь она находилась запертой в собственном

непослушном теле, за которым присматривали в бюджетном доме для престарелых.

Возможно, эта вакцина действовала бы как-то по-другому в ее потомках, однако она лишилась возможности познать радость материнства после того, как насквозь промерзла в продуваемом всеми ветрами тракторе, осваивая с тысячами таких же, как она молодыми людьми Целину Дальнего Востока.

Будучи не в силах крикнуть на хама, усевшегося ей на колени, Лидия Сергеевна, лишь, молча, роняла крупные слезы на спину его пиджака и жалела о том, что не умерла еще в концлагере сто двадцать лет назад...

Все это Дмитрий Линевиц наблюдал, находясь за спиной у почетных гостей, в форме красноармейца времен Великой Отечественной.

Оставшаяся часть праздника, в принципе, прошла как обычно...

Выступали с речью чиновники, затем высокопоставленные военные, а за ними праправнуки бывших врагов, которые, спасаясь, от агрессии невероятно разросшихся диаспор представителей Ближнего Востока и Африки, бежали из своей страны сначала в Польшу, но после того, как их там, под предлогом взимания репараций, откровенно грабили и насиловали, они щедро расселились по территории стран бывшего Советского Союза.

Потом как обычно начались выступления творческих кол-

лективов, а вечером прогремел салют из нескольких десятков залпов.

С того момента Дима, который до этого с неподдельным энтузиазмом принимал участие в постановках боевых действий, чтобы не видеть больше эту мышиную возню, решил приходить на такие мероприятия не в качестве участника, а в качестве зрителя. Однако отвертеться от роли красноармейца в реконструкции начала войны двадцать второго июня ему не удалось, потому что ректор университета, в котором учился Дима, весьма прозрачно намекнул, что не все студенты, в случае отказа от участия в общественной жизни их учебного заведения, смогут защитить свои дипломные работы.

Дмитрий, который не был чьим-то родственником и не имел достаточно денег, чтобы проплатить себе поступление в университет, потратил слишком много сил и времени, чтобы пробиться среди блатных и стать студентом. Страна, распухшая от неимоверного количества руководителей, большинство из которых не могло даже толком связать свои мысли из трех слов в одном предложении, уже давно нуждалась в рабочих руках, поэтому обучение высшему образованию на платной основе, было упразднено, а основной упор сделан на среднем техническом, чтобы было кому работать и обслуживать сложное оборудование, заменившее работу тридцати пяти процентов населения страны. Поэтому, чтобы все-таки стать инженером-разработчиком роботизированной тех-

ники и не остаться у разбитого корыта, Дима, скрипя зубами, согласился.

Теперь он сидел в одной из еще сохранивших свой почти первозданный вид старых казарм Брестской крепости и ждал, когда наступит шесть утра, чтобы в числе других парней и девушек из их группы броситься отбивать атаку, переодетых в войска гитлеровской Германии студентов с параллельного потока.

Начало реконструкции атаки на крепость уже давно перенесли с четырех на семь утра, потому что так было всем удобней – чиновники могли выспаться, а участники подготовиться.

Дмитрию это было удобно тем, что он мог спокойно сесть на электробус и добраться до крепости с большим запасом времени, чтобы успеть переодеться и выпить приторно-сладкого чая полевой кухни.

– Я ему говорю, что не могу сегодня, – собрав возле себя небольшую аудиторию сочувствующих, усиленно тараща глаза, недовольно бубнел Сожко Паша – одноклассник Димы: – простыл очень сильно. А он мне: «Или идешь в атаку двадцать второго июня или идешь в народное хозяйство козкам хвосты крутить».

Что за человек Пашка, Дмитрий понял уже через полгода совместной учебы на первом курсе...

Сожко был сыном крупного контрабандиста, исправно проплачивавшего «нужным людям» за безопасное нахождение

ние в теневом бизнесе. Его отец вынашивал в себе грандиозный по своей наглости план по захвату одного весьма успешного государственного предприятия по производству бытовой техники и именно поэтому Пашка, который с трудом вспоминал название цифр, оказался на инженерном факультете. «Старый тормоз», так назвал невысокий плотносбитый увалень своего отца, хотел, внедрить своего единственного отпрыска, после окончания университета, в ряды номенклатуры этого предприятия и быстро подтолкнуть его по карьерной лестнице в сторону руководства, где рано или поздно при помощи чиновников, очень уважающих деньги, он бы стал во главе предприятия и плавно его довел бы до банкротства, вынудив государство отдать его в частные руки, которые с радостью его примут. Однако пока что эти руки только потели, проплачивая преподавателям вознаграждение за то, что они закрывали глаза на тупость и леность его сына.

Не смотря на то, что Пашка был совершенно не приспособлен к точным наукам, он был очень хитер и изворотлив. Придерживаясь принципа: «Если в руки возьмешь, то понесешь», он предпочитал все делать чужими руками, ничего не давая взамен.

– Я звоню своему «Старому тормозу» и говорю про это, – продолжал рассказывать Сожко, – а он как начал на меня орать. Не в настроении был. Думаю: «Ладно, не буду старика изводить». Вот и пришлось сегодня ни свет, ни заря с утра вставать.

– Жесткий у тебя батяня, – заискивающе-сочувствующим тоном поспешил высказать поддержку Пашке один из его собутыльников.

– Ладно... Придет мое время – посмотрим как он потом запоет, – мстительно процедил сквозь зубы Сожко и сразу же переключился на другую тему. – Может, повеселимся сегодня у меня на даче?

Слушатели из числа его клики усиленно закивали головами, использовавшимися ими не совсем по прямому назначению – в основном, только для того чтобы «ей кушать и пить».

– А ты, Ленка, – обратился Пашка к миловидной стройной девушке в слегка великоватой ей гимнастерке, – придешь ко мне в гости?

– Нет, – ответила девушка и сосредоточенно уставилась через окно в сторону Северных ворот, откуда должна была начаться атака противника.

Все прекрасно понимали, почему она так внимательно всматривается в мельтешащие серые спины солдат немецкой армии – ее парень Виталик играл роль офицера, ведущего в атаку первые штурмовые группы.

– Ленка, что ты кочевряжишься? – не отставал от девушки Сожко. – Выпьем, послушаем музыку, потанцуем... А потом я потрогаю твои сисечки.

– Знаешь, что, – разозлилась девушка, – если я пожалуюсь на тебя кому надо, то... как бы тебе не пришлось потом трогать сисечки коров на ферме во время преддипломной

практики, изучая технологию доильных комплексов.

– Ха... – расплылся в наглой улыбке Пашка, – испугался. Смотри, чтобы сама там не оказалась.

Ленка была обычной девчонкой, которая сама, также как и Линевиц, смогла поступить в университет благодаря своим знаниям.

– Отстань от нее! – счел нужным вмешаться Дима.

– А то, что? – грозно выпучил глаза Сожко, изучая статую фигуру плечистого блондина с ясными голубыми глазами.

– Дам разок тебе в рожу твою наглую – до конца жизни под себя ссаться будешь, – чувствуя, как его захлестывает ярость, ответил Линевиц.

Пашка сердито задышал и еле заметно подмигнул своим товарищам, которые тут же медленно двинулись по одному Диме за спину.

Прекрасно понимая, что он один против пятерых не выстоит, Линевиц прильнул к стене спиной и сжал кулаки...

В воздухе повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь злобным дыханием Пашки.

– Ребята, перестаньте. Вот-вот начнется реконструкция... Вы же можете нас подставить, – подал голос Мишка Зобов – румяный толстячок с грушевидным телом, считавшийся самым лучшим и перспективным студентом их курса.

– А ты рот закрой, жиробаза! – набросился на безобидного толстяка Пашка, прекрасно понимая, что если он устроит

драку, то у него будут неприятности.

– Отстань от Мишки, – дикой кошкой взвилась от окна Ленка, – а то я сейчас позвоню своему Виталику, и он тебе во время реконструкции боя зубы все выбьет, будешь потом с циркониевыми ходить!

– Да, ладно, – мигом сдулся, заметно струсивший Сожко, который откровенно боялся парня Ленки, носившего титул лучшего бойца по рукопашному бою их университета.

– Бах...

– Бах-бах...х...

–Бум...м...м...

– Бух... – зазвучали разрывы пиротехнических зарядов, возвещая о начале реконструкции боя.

Из соседней казармы весело застрочили пулеметы.

Оккупанты, рассыпавшиеся веером по нарядным, но слегка подвявшим газонам, поспешили «погибнуть», чтобы спокойно долежать на травке до конца театрализованного действия.

Так у них было больше шансов не испачкать выданный им реквизит, за который, в случае порчи, им пришлось бы платить организаторам реконструкции из собственного кармана.

III

Через час, взмыленные, слегка уставшие, но довольные

собой студенты в форме солдат Красной армии и Третьего рейха, весело обсуждали казусы, возникшие в ходе постановочного сражения.

Особенно смеялись с Мишки Зобова, который должен был кинуть пиротехнический патрон, имитирующий гранату, в сторону немецкого танка, но споткнулся и, в результате, разрыв произошел у него под ногами. Теперь он сидел в прожженном месте галифе прямо на асфальте и пытался сдерживать слезы. Представитель отдела культуры его уже предупредила, чтобы он не вздумал приносить в гардероб для сдачи испорченный костюм и приготовился оплатить организатору его стоимость.

Не смотря на то, что было всего лишь начало восьмого утра, духотища стояла невероятная...

Вдалеке, со стороны севера, к ним приближалась огромная грозовая туча, внутри которой сверкали всполохи необычно ярких молний.

Весь липкий от пота, Дима с жадностью пил теплую воду из пластиковой бутылочки, бутафорски замаскированной под солдатскую флягу и размышлял о том, что они будут с его Олечкой сегодня вечером на ужин...

С ней он познакомился в буфете университета, когда она не смогла рассчитаться за тощий пирожок с капустой. Расплатившийся за нее третьекурсник, в глазах молодой девушки, только что вырвавшейся из провинциального городка белорусского Полесья, сразу же стал в ее глазах прекрасным

принцем, правда, без белоснежного коня.

Когда один из их дальних родственников по линии отца пообещал ее матери, что поможет ей попасть в университет, Олиному счастью не было предела. Перспектива вырваться из-под крыла отца-алкоголика и издерганной невротами матери в другой город, была настолько желанная, что Оля даже не сомневалась, что она сможет попасть в ряды студентов.

Глотнув в первые два месяца воздуха свободы, Оля одновременно познала и все радости голодной студенческой жизни. Имея почти бесплатное жилье в общежитии, построенном еще в середине двадцатого века, она совершенно не имела средств к существованию. Родители ей в материальной поддержке отказали, пояснив, что она теперь взрослая и может сама себе заработать на пропитание, тем более у нее еще несколько младших братьев и сестер, которых нужно кормить.

Оля прекрасно все понимала сама, ведь, рождение стольких братьев и сестер, было единственной возможностью для ее родителей получить четырехкомнатную квартиру по льготной ипотеке на пятьдесят лет под три процента годовых.

Стипендии катастрофически не хватало даже на одну неделю, поэтому она, в свободное от учебы время, активно искала себе работу. Все ее попытки заработать себе на пропитание умом и старанием оказались бесплодны. Симпатичная фигуристая девчонка с роскошными темно-русыми во-

лосами до пояса, для нанимателей, особенно мужского пола, представляла собой интерес, связанный с работой в интимной сфере услуг, но совершенно ни как ответственный и трудолюбивый работник.

Начиная привыкать к брезгливости и безразличию к чужой судьбе со стороны жителей приграничного города, Оля была приятно поражена, когда за нее в буфете расплатился красивый, с открытым лицом и искренней улыбкой парень.

Быстро проглотив пирожок с слегка подванивающей капустой, Олечка немного утолила голод, сразу же для себя решив, что встретила своего мужчину и, преодолев смущение, с ним заговорила...

Через несколько дней, их чувство интереса друг к другу, резко переросло в бурный поток эмоций, сметающий на пути все запреты и табу, в результате чего Оля познала вкус любви по-взрослому...

После того, как все произошло на стареньком скрипучем диване в двухкомнатной квартире, в которой Дима жил вместе с мамой, Олечка, стыдливо прикрывая грудь и промежность руками, выскочила в прихожую, чтобы пройти в ванну.

Там она лицом к лицу столкнулась с его мамой.

– Одеда трусы... и пошла вон, – только и смогла выдать из себя, оскорбленная таким беспардонным поведением в ее квартире, Димины мама, которая получила это жилье от государства в пожизненную аренду, после того, как его отец, служивший участковым инспектором, погиб от выстрела в

упор из охотничьего ружья.

Никакой компенсации Димины мама за смерть мужа не получила, потому что экономные чинуши заявили о том, что это не страховой случай, так как лейтенант, нарушив все инструкции и приказы, пошел на семейный скандал один. И никого не интересовало, что ему туда идти было не с кем.

Кадровый голод в те времена в органах ощущался очень остро.

Димины мама не сдалась и стала жаловаться в различные инстанции, добившись того, что ей с сыном выделили арендное жилье. Поэтому она теперь остро переживала любые намеки на то, что ей придется делить жилплощадь с кем-то еще...

Через неделю, после того как Дима договорился с хозяином и устроил Олечку оператором на работу в курьерскую службу, осуществлявшую в вечернее время оперативную доставку продуктов питания по городу с помощью беспилотников, где он подрабатывал и сам, они смогли позволить себе снять малюсенькую однушку на чердаке старого дома времен постройки только еще зарождающегося социализма.

Через полгода совместной жизни Олечка, сделав грустные глазки, тихонько сказала ему, глядя ему прямо в лицо, о том, что она беременная...

Поначалу, первые десять секунд Дима паниковал, но потом, когда до него окончательно дошел смысл случившегося события, он раскрыл объятия и обнял плачущую Олю, целуя

ее в мокрые от слез губы...

Весьма подозрительный женский врач, долго гладивший на осмотре голыми руками влагалище беременной симпатичной девушки, посоветовал ей постоянно принимать множество препаратов иностранного производства, призванных укрепить здоровье развивающегося плода.

Теперь львиная доля их совокупного мизерного дохода уходила на витамины, отечественные аналоги которого, стоили в несколько раз дешевле.

– Эй, что с тобой? – вывел его из бюджетных подсчетов чей-то окрик.

Оказалось, что эти слова адресовались Лене, которая в томном ожидании Виталика, отчитывавшегося на складе организатора за использованные холостые патроны, неожиданно потеряла сознание и как подкошенная рухнула возле канистры полевой кухни.

Над девушкой сразу же столпилась толпа зевак.

– Воды, воды! – громко кричала конопатая девушка с факкультета программного обеспечения.

– Позвоните в скорую! – вмиг забывший о своем горе, надрывался испуганный Мишка Зобов, которому Лена в тайне очень нравилась.

– Ей надо сделать искусственное дыхание, – мечтательно закатив глаза, предложила самая страшненькая девочка с их потока, имя которой никто не знал, а если и знал, то никогда не помнил.

– Снимите с нее эту гимнастерку, – посоветовала курносая Илона, игравшая в реконструкции роль медсестры, прикрывшей своим телом раненого бойца, которого она вытаскивала с поля боя. – Это же сплошная синтетика. Организм не дышит. У нее перегрев.

– И трусы... трусы с нее снимите, – похабно загоготал Пашка, который во время театрализованного действия прятался в прохладе казармы. – Чтобы вентиляция как надо работала.

В это время Лена стала приходить в себя.

Она с трудом сфокусировала взгляд на курносом носу Илоны, расстегивающей у нее на груди гимнастерку, а затем удивленно уставилась в небо.

– Что это? – показала она рукой ввысь.

Все кто стоял рядом с ней как по команде запрокинули головы кверху...

Высоко в небе, оставляя узкие инверсионные следы, в сторону надвигающейся грозовой тучи летели несколько сот самолетов...

Дима на секунду задумался о том, куда могут лететь столько самолетов сразу и... похолодел от догадки...

След оставляли не самолеты...

Это были ракеты...

– Вш...ш.....ш...с... – пропела, приближающаяся к крепости боеголовка с разделяющимися блоками индивидуального наведения, и расцвела алым бутонем на высоте в

несколько сот метров над собравшимися на Площади Церемониалов людьми.

Белый фосфор щедро осыпался на головы нескольких тысяч зрителей...

Живая огненная лавина, сопровождаемая криками обмелевших от боли людей, быстро растеклась по площади и двинулась в сторону реки...

Заживо горевшие люди, стремились к обмелевшей реке, чтобы попытаться потушить на себе адский огонь, но температура горения была настолько велика, что человеческие тела моментально выгорали до скелета.

Ядовитый белый дым густыми клубами устремился по ветру в сторону города, откуда доносились глухие звуки разрывов со стороны Южного микрорайона города, где были сконцентрированы немногочисленные воинские части, призванные обеспечивать защиту города.

Находившиеся в стороне от Площади Церемониалов студенты, с ужасом наблюдали за огненным морем человеческих тел.

–У...а...а... – возвестил о своем приближении крупнокалиберный снаряд.

– Быстрее! Бегите в казарму! – успел крикнуть Дима до того, как страшная невидимая сила оторвала его от земли и с легкостью швырнула в сторону казематов.

Последнее, что он успел увидеть, перед тем как его накрыла темнота – это то, как далеко в небе стремительные ракеты

влетали в черную грозовую тучу и там исчезали в сполохах молний...

IV

Обнаженный до пояса Мишка тряс его за плечи и, молча, широко открывал рот, заплывая ему лицо своей слюной...

Дима недоуменно крутил головой по сторонам, пытаясь понять, где он и что происходит до тех пор, пока тишина в ушах не сменилась нудным звоном.

– Надо... сквозь звон услышал он отрывок фразы, которую ему пытался донести Мишка.

Сообразив, что он контужен, благо у них в университете действовала военная кафедра, на которой они не только изучали теорию военного дела и способы оказания первой помощи при различных ранениях, но и даже осваивали некоторые виды стрелкового оружия, Дима попытался сосредоточиться на активно артикулирующем губами толстячке.

– Поднимайся... в городе... срочно... – донеслось до его сознания.

– Что? – видимо, проорал Дима, потому что Зобов, испуганно выглянул из каземата на улицу и тут же прикрыл грязной, противно пахнущей едким чесночным гаром, ладонью рот.

От резкого запаха организм Линевиича отряхнулся от контузии и внезапно полностью включился в работу.

– Что за вонища? – сквозь слезы спросил Дима, как только весь его организм вывернуло наизнанку прямо на прожженные галифе Мишки.

– Тихо, – прошептал, приложив палец к своим губам Зобов. – Возле нас отряды зачистки.

Дима с трудом оторвал тело от бетонного пола и осторожно выглянул в проем амбразуры...

Ярко светило солнце, а вдалеке на севере виднелась медленно уползавшая черная грозовая туча, из чрева которой периодически пробивалось странное серебристое свечение.

Несколько десятков солдат в форме Демократического альянса, вооруженных короткими скорострельными автоматами, осторожно пробирались сквозь раскуроченную Площадь Церемониалов, тщательно переступая через обгоревшие трупы.

Один из солдат в изолированном тактическом шлеме опустил внешние фильтры и принялся к воздуху.

– It's all right, – громко сообщил он своим товарищам, которые вслед за ним поспешили открыть шлемы.

Один из солдат в массивном бронированном экзоскелете, дистанционно сканировавший через окуляр мощного тепловизора окрестные здания крепости, неуклюже переступая через скрюченные тела, наступил на небольшой холм из слившихся друг с другом нескольких мертвых человеческих тел.

Обгоревшие угли громко хрустнули, и в воздух взмыло

черное облако мелкой пыли, заставившее солдат, тут же загерметизировать шлемы обратно.

– Что происходит? – сдавленно спросил Дима у Мишки, прекрасно догадываясь об ответе сам.

– На нас напали наши соседи, – надрывно сопя ему в ухо, прошептал Зобов.

– Ты уверен?

– А ты сам не видишь, что происходит? – зло прошипел Зобов.

– А где остальные наши ребята? – удивился Линевич, осмотревшись в каземате.

– Все давно уже в город ушли, – пояснил Мишка.

– А ты чего здесь?

– Ждал, пока ты очнешься.

– Надо было уходить без меня.

– Нельзя было. Наш каземат накрыло ядовитым облаком. Тебя нести я не мог, поэтому пришлось закрывать тебе дыхательные пути, смоченной тряпкой из моей гимнастерки, чтобы ты не отравился.

– Еще осталась вода? – чувствуя, что ужасно хочется пить, спросил Линевич.

– Нет. Я ее еще во время реконструкции выпил, – ответил Зобов.

– А чем это ты тряпку тогда смачивал? – подозрительно поинтересовался Дима, присматриваясь к обильно смоченному рукаву Мишкиной гимнастерки, валявшемуся непода-

леку.

– Что был, тем и намочил, – смущенно произнес Зобов, подтягивая на живот обгоревшие галифе.

– I see a goal, – в это время закричал солдат в экзоскелете, указывая рукой в сторону их укрытия.

Один из автоматчиков сразу же присел на колено и вынул у себя из походного пенала за спиной складной гранатомет.

– Бежим! – крикнул, уже не таясь, Дима и потащил за руку Мишку в противоположную от амбразуры сторону вглубь каземата.

– Не туда... Не туда, – пытался выдернуть свою пухлую руку Зобов. – Там тупик... Нам надо обратно выскочить...

– Быстрее! – волок за собой Мишку Линевич в темный подвал каземата, из которого противно несло мочой.

Неповоротливый толстячок хотел было, что-то возразить, но, влекомый Димой, ударился о низкий свод подвала головой и промолчал, решив, что это его уже зацепило выстрелом из вражеского гранатомета.

– Быстро! В трубу! – скомандовал Линевич и, схватив Зобова за шею, силой поставил его на карачки, протолкнув в скользкий проход головой вперед.

– Что за вонища? – забыв о смертельной опасности, запротестовал Мишка, пытаясь вытолкнуть из смрадной трубы свой зад обратно.

– Давай, жирный! – в сердцах закричал Линевич и подтолкнул толстяка ногой. – Если ты не пошевелишься, то мы

будем пахнуть еще хуже!

Мишка усилено заработал всеми складками тела и словно жирная гусеница устремился в трубу...

– Вж...бух...х... – раздался глухой утробный звук разрыва гранаты внутри каземата.

Огненный вихрь выдул из трубы остатки гнили, которую не успели на себя собрать Дима и Мишка.

Они оба лежали по разные стороны бетонной трубы посреди небольшой затоки в виде грязной лужи, обмельчавшей от жары и так неполноводной реки.

– Нет времени лежать... – пытаюсь отдышаться, сказал Дима. – Побежали по руслу в город.

– Там... танки... Лучше переждать, – высказал свое мнение Зобов, безуспешно пытаюсь восстановить, нарушенное резким выбросом адреналина в кровь, дыхание.

– Ты... как хочешь, а у меня там... моя Оля одна сидит дома беременная. Мне некогда тут в грязи валяться, – снимая себя красноармейскую гимнастерку, решил для себя Линевиц, и, застревая кирзовыми сапогами в тягучей грязи дна Западного Буга, побрел вдоль пожухлых кустов в сторону Варшавского моста.

– Постой! Я с тобой, – услышав, доносившиеся со стороны Площади Церемониалов разговоры между солдатами альянса на польском и английском языках, испуганно зашептал Мишка и на карачках быстро пополз за удаляющимся Димой.

Через полчаса, следуя вдоль почти высохшей поймы реки, они добрались до речного порта, где выбрались из грязи на сушу. Взобравшись на огромную кучу щебенки, они смогли наконец-то осмотреться по сторонам.

Город горел...

Несколько десятков крупных пожаров обозначали свое местонахождение огромными черными столбами дыма, моментально плавившегося в висевшей над городом жаре.

Предчувствуя недоброе, Дима поспешил в сторону коптящей двенадцатиэтажки в конце набережной, за которой уютился старый трехэтажный дом, в котором они с Олей снимали квартиру.

Не обращая внимания на выехавший из ближайшего от речного порта двора военный броневедомоцикл, Дима бежал в сторону своего дома совершенно забыв, что от чесночного запаха белого фосфора он задыхается от жажды, а в голове стоит страшный гул.

– Look what a jerk! – заржал солдат Демократического альянса, торчавший из люка в крыше броневедомоцикла в одной лишь белой майке, наведя на бегущего Линевиича ствол крупнокалиберного пулемета.

В это время за Димой из ворот порта выбежал Мишка и, отчаянно потев, быстро заработал ногами, пытаясь догнать и остановить обезумевшего Диму.

– Russians have gone mad for fear! – задорно закричал слегка пьяный водитель броневедомоцикла и прибавил скорость,

лишив пулеметчика возможности как следует прицелиться и произвести выстрел.

Один из пролетавших мимо высоко в небе миниатюрных дронов-разведчиков завис в воздухе и, выдвинув объектив камеры, внимательно проследил за движением полуголых людей...

Через несколько секунд оператор разведчика, видимо, тоже решил, что Дима и Мишка сошли с ума и направил дрон в сторону полыхавших воинских частей.

Дима бежал не обращая ни какого внимания, ни на разорванный взрывами асфальт, ни на перевернутые и горевшие автомобили, ни на людей, испугано наблюдавших за ним из окон своих квартир, ни на мародеров, увлеченно толкавших перед собой тележки из раскуроченного взрывом местного магазина, заполненные до отказа питьевой водой, сахаром, солью и различными крупами.

Сейчас им владела только одна мысль...

«Хоть бы только она была жива»...

Он завернул за угол высотки и остановился как вкопанный...

Все два подъезда их дома вместе с крышей были сложены в кучу строительного мусора, из-под которого торчали в некоторых местах окровавленные останки человеческих тел.

– Люди! Помогите! – не помня себя от горя, что есть мочи закричал Линевиц в окна, окружавших их старый дом, элитных многоэтажек. – Вызовите спасателей! Помогите!

– Заткнись!

– Пошел вон отсюда!

– Идиот, закрой рот! – понеслись испуганные окрики в его сторону из соседней, чадающей верхними этажами, многоэтажки.

– Люди!... Где вы? – продолжал надрываться Дима, стоя возле груды массивных кирпичей, разорванного в клочья дома.

В это время из подъезда коптящей многоэтажки выскочил коренастый мужичок с наглой рожей в майке с изображением эмблемы Демократического альянса. В одной руке он держал поводок с пускающим белую пену из пасти агрессивным доберманом, сожравшим всех дворовых котов в округе, а в другой он крепко сжимал охотничий карабин.

– Заткнись! – прикрикнул на Линевича, удерживая яростно лающего пса, вооруженный человек и навел ему дуло карабина прямо в лицо.

– Помогите, – прошептал Дима, безразлично вглядываясь в нарезы ствола.

– Никто тебе не поможет, – еще активнее брызгая слюной, чем его собака, сквозь зубы зашипел мужчина в майке с вражеским логотипом. – Не кому помогать... Дальше Бреста уже, наверное, ничего нет... Все... Кончилась лафа... Новые хозяева у нас. Поэтому не привлекай лишнего внимания и уходи, пока я на тебя не спустил Фиделя или не пристрелил.

– Все... Все... Мы уходим... Помешался он... – придер-

живая, болтавшийся в разные стороны, живот, задыхаясь, вмешался Мишка, наконец-то, добравшийся до развалин дома.

– А, где же люди? – моргая намокшими глазами, сам у себя спросил Дима и принялся методично, словно робот, откидывать один за одним обгоревшие массивные кирпичи в сторону.

Пока обезумевший от шока Линевиц перекладывал строительный мусор из одной кучи в другую, а затем обратно, Мишка крутился вокруг своей оси, чтобы все жители элитных домов увидели, как он указательным пальцем левой руки крутит у себя возле виска, а правой рукой показывает в сторону Димы, намекая на то, что у него не все в порядке с головой.

Мужик с собакой плюнул и, проверив, цел ли его, стоявший возле подъезда, дорогой внедорожник, поспешил обратно в подъезд.

Наблюдавший за этой сценой маргинал Аркадий, жалостно вздохнул и поспешил обратно на набережную в раскуроченный магазин, потому что забыл прихватить халявную косметику и средства личной гигиены.

Опаленная огнем борода неприятно воняла, а кожа на подбородке пошла волдырями.

V

Дима вернулся к реальности только тогда, когда солнце уже клонилось к закату. Его последний луч отскочил от тонированного стекла многоэтажного дома и чиркнул ему по глазам.

Линевич посмотрел на свои окровавленные пальцы с сорванными ногтями и только теперь понял, что ему нужно срочно попить воды.

Он отвернулся от груды кирпичей и не спеша двинулся в сторону набережной. Когда он вышел из двора мимо него, не спеша, гремя цепями на выступающем далеко вперед трапе, проползла массивная универсальная бронемашина разминирования.

Взгляд Димы зацепился за мастодонта и...

Невольно у него зашевелились на голове волосы...

На зубастом ковше разграждения преград в неестественной позе сломанной куклы, висело обнаженное тело его одноклассницы Лены...

Множество черных гематом по всему телу и запекшаяся кровь на месте отрезанных грудей, которыми она когда-то так гордилась, свидетельствовали о том, что над ее телом издевались, когда она еще была жива...

– У...у...у... – тихонько заскулил за спиной у Димы, невесть откуда взявший, Мишка и упал на колени.

Один из двоих, сидевших на броне машины, с непокрытыми головами солдат в польской форме, посмотрел на плачущего толстяка оловянными от спиртного глазами и кулем свалился на землю.

– Sto'j! Duren zgubic'sie, – закричал второй солдат во внутрь открытого люка машины, обнаружив, что его сослуживец остался лежать позади.

Огромная инженерная техника остановилась и заглохла. Из салона донеслись звуки веселой иностранной песни очень модного исполнителя непонятной ориентации.

Сразу же, откуда ни возьмись, появилось два мускулистых молодца в черных майках и таких же штанах лет двадцати пяти, которые со всех ног бросились к лежавшему солдату и, услужливо подхватив его за руки, посадили его обратно на броню.

– Dobrze, dobrze, – довольно кивал головой более трезвый солдат, принимая своего непутевого товарища на борт обратно.

Услужливые ребята, в ответ лишь, молча, кивали головами и улыбались.

Как только машина разминирования двинулась дальше, парни между собой переглянулись и, хищно скалясь, двинулись в сторону Димы со скулящим на земле Мишкой.

Только теперь Линевич рассмотрел приколотые у них на груди синие ленточки с изображением четырехлучевой звезды альянса в красно-белую полоску.

– Кто такие? – грозно насупив брови, спросил один из услужливых людей.

– А...а...а... Леночка... Что они с тобой сделали? – причитал в истерике Мишка, не обращая внимания на парней.

Дима словно очнулся от кошмарного сна и вернулся в реальность...

– А вы кто такие? – подозрительно спросил он.

– Мы добровольные волонтеры, поддерживающие порядок в городе. А вот почему вы на улице во время комендантского часа? – презрительно, высказывая свое совершенство, процедил сквозь зубы один из парней, ростом повыше.

– Приказом коменданта – пана Квасневского, – поучительным тоном заговорил второй волонтер, – на время нахождения регулярной освободительной армии Демократического альянса на территории города, жителям запрещено выходить на улицу после девяти вечера.

– А...а...а... Почему? – заходился от горя Зобов.

– Заткни рот! – сорвался парень повыше и, картинно задрав правую ногу кверху, резко опустил ее Мишке на шею.

Сквозь массивный слой подкожного жира тела Зобова удар волонтера не смог пробиться и нанести существенный вред его внутренним органам, однако эффект оказался совсем неожиданным...

Мишка распрямившейся пружиной стремительно вскочил на ноги и вцепился в горло своего обидчика, повалил его весом своего тела на землю.

– Владик, тормоз, что ты стал? – орал слегка придушенный парень, пытаясь столкнуть с себя грушевидное тело Зобова. – Вали их обоих! Не стой!

Оторопевший от такого развития событий Владик, трясущимися руками потянулся себе за спину и вынул из-за пояса «Щелкунчика» – новый пистолет, совсем недавно принятый на вооружение правоохранительными органами. Однако он не смог справиться с волнением, и пистолет глухо ударился об асфальт.

Вслед за пистолетом, сраженный мощным апперкотом со стороны Димы, на асфальт полетел уже в бессознательном состоянии и сам Владик...

Линевич подхватил с земли пистолет и, передернув затвор, приставил его к виску первого волонтера.

– Где взяли оружие? – требовательно спросил Дима.

– Сними... а...а... помоги... он... – силился что-то сказать стремительно синеющими губами парень.

– Убью... убью... убью... – словно мантру, вновь и вновь повторял обезумевший Мишка, все сильнее и сильнее сжимая ладони на шее своего обидчика до тех пор, пока Линевич резко не нажал ему большим пальцем чуть ниже мочки правого уха.

От острой боли Зобов скрипнул зубами, но все-таки отпустил шею бедняги.

– Где взяли оружие? – еще раз спросил Дима, как только доморощенный волонтер немного отдышался, и его лицо

приобрело более или менее естественный цвет.

– Мы... поменяли... на золотую печатку, – сбивчиво заговорил парень, не обращая внимания на потихоньку начавшего приходить в себя своего товарища. – Оружия... в городе полно... Все арсеналы частей и силовых органов уже давно разграблены...

– Зачем нацепили на себя эти знаки? – тыкнул пальцем ему в синюю ленточку Дима.

– А как теперь? – искренне удивился парень. – Все... Нет больше страны... Теперь у нас новые порядки.

– Как же так? – также искренне удивился Линеви́ч. – Прошло всего лишь несколько часов, а вы уже сдались... Нам помогут...

– Никто нам уже не поможет, – зло оскалился парень. – Не кому нам уже помогать... Все помощники сгорели в ядерном огне.

Он смачно плюнул на землю и показал на север в сторону клубящейся высоко в небе огромной грозовой тучи, отчетливо выделявшейся на фоне багряного неба.

В это время до них донеслись звуки приближающейся музыки.

Это ехала обратно в их сторону машина разминирования с пьяными солдатами на борту.

Линеви́ч схватил за руку все еще подрагивающего от возбуждения Мишку и потащил его обратно во двор, бросив предателя и его друга Владика на земле.

Спрятавшись за углом, они наблюдали за тем, как Владик поднялся с земли и как только с ним поравнялась бронемашина, бросился к ней, что-то жалобно рассказывая на смеси польско-русского языка, сидевшим на броне солдатам.

Яркая вспышка выстрела на мгновение озарила ночь, и пластиковая пуля разнесла голову Владика вдребезги.

Его товарищ совершенно забыв, что он волонтер, бросился от машины наутек, а солдаты альянса весело заржали и под звук музыки и перезвон цепей на ковше разграбления, поехали к месту дислокации своего подразделения в центр города.

– Э... Мужики... Пошли за мной, – окликнул друзей чей-то голос. – Глянь сколько в небе дронов. Не ровен час заметят.

Дима обернулся на голос и рассмотрел в тени деревьев высокого худого мужчину в элегантном белом костюме-тройке, смотревшемся на нем немного мешковато, который толкал перед собой огромную магазинную тележку для стройматериалов, заполненную бутылками с питьевой водой и туалетной бумагой

Словно его услышав, над ними где-то в темноте тихонько зашелестел двигателями разведывательный дрон.

– Быстрее! Под деревья! – сдавленно прошептал мужчина и нырнул в кусты, бросив тележку на произвол судьбы, которая под собственным весом покатилась в сторону выезда из двора.

Линевич моментально среагировал и вжался в стену магазина под нависающий козырек, но Мишка не сдвинулся с места и продолжал размазывать грязными руками у себя по лицу слезы. Тогда Дима на мгновение вышел из своего укрытия и грубо толкнул в кусты Зобова. Тот кулем хлопнулся в заросли и затих. В это время к нему с противным скрипом подкатилась тележка и остановилась.

– Толстый, толкни тележку в темноту, – прошелестел из противоположных кустов мужчина.

Мишка на это никак не отреагировал.

Дрон еще немножко пожужжал у них над головами, покрутился, но в итоге унесся в сторону полыхающих воинских частей.

– Чуть не спалились, – выдохнул перегаром дорогого спиртного в лицо Диме мужчина, неожиданно выскочивший из кустов со стороны, где тихонечко скулил Мишка.

Только теперь Линевич рассмотрел, что мужчина абсолютно лысый, а его лицо все в мелких порезах.

– Аркадий, – представился лысый, пытаясь вытереть колени брюк от размазанной травы.

– Дима, – машинально в ответ представился Линевич.

– Бери толстого и пошли за мной, пока нас не прихватили, – раздосадовано произнес мужчина, убедившись, что его щегольской костюм безвозвратно испорчен.

VI

Через несколько минут они оказались в подвале одной из многоэтажек, располагавшейся через два двора от того места где раньше стоял дом в котором они с Олей снимали квартиру.

– Толстый, закрой дверь за собой, – недовольно распорядился Аркадий и чем-то щелкнул.

Яркий свет залил просторную комнату с невысоким, около двух метров, потолком.

– Меня зовут Михаил Петрович, – прикрыв глаза от яркого света, счел нужным сообщить Зобов, приютившему их хозяину.

Проморгавшись, Дима с интересом принялся оглядывать комнату, заставленную от пола до потолка упаковками с консервированными продуктами питания, сладостями, косметикой, бутилированной водой и еще какими-то ящиками с различным барахлом, занимавшим все пространство. Свободное место осталось лишь для валявшегося на полу матраса с подозрительными желтыми разводами и огромного телевизора с треснутым посередине экраном.

– Ты, что? Бомж? – удивился Мишка, как только осмотрел окружавший его интерьер.

– Фу, толстяк! Я думал ты образованнее. С виду, вроде, интеллигент, – скорчил недовольную гримасу Аркадий, сни-

мая с себя пиджак. – Я не бомж, а всего лишь человек, оказавшийся в трудной жизненной ситуации из-за стечения не зависящих от него обстоятельств.

– Ага, – тускло протянул Зобов.

– Вы тут живете? – спросил Дима.

– Да, этой мой дом на протяжении уже нескольких лет, – подтвердил Аркадий, рассматривая царапины на своем лице в зеркальце изящной женской пудреницы.

– Как так можно жить? – презрительно выцедил из себя Мишка, пытаясь найти место где-бы присесть.

– Человек такая сущность, что ко всему привыкает, – философски ответил Аркадий, выудив из одной из коробок кусок сыра в вакуумной упаковке. – Когда-то у меня был свой дом, хорошее дело и молодая жена, но благодаря одним жадным чиновникам, которым понравился мой бизнес, я лишился всего в одночасье и был вынужден, чтобы сохранить себе жизнь, уйти жить на улицу и спрятаться среди таких же, как и я, неугодных обществу людей.

– Так разве бывает? – недоверчиво спросил Дима, принимая из рук Аркадия бутылку с водой и кусок колбасы с ломтем слегка подсохшего хлеба.

– Всякое бывает. Я вот не думал, что такое случится на моем веку, – невольно напомнил хозяин Дмитрию о минувших страшных событиях, показывая пальцем в потолок.

– Что же произошло? Почему нас атаквали? – как только оторвался от бутылки с холодной водой, спросил Линевиц.

– А можно мне тоже бутерброд? – осторожно поинтересовался у Аркадия Мишка.

– Возьми что-нибудь в коробке и сиди тихонько смотри, – ответил хозяин.

Он подошел к телевизору и включил его в сеть.

Картинка экрана расплзлась в трещинах, но рассмотреть изображение было можно.

Милая молодая девушка в форме альянса, что-то вещала, активно жестикулируя руками.

– А можно чуть звук добавить, – попросил Дима.

– Скажи толстому, чтобы чавкал тише и все будет слышно, – ответил Аркадий. – Электричества в доме ни у кого нет. Только у меня. Никто не знает, что тут в подвале есть резервный генератор, как раз для таких случаев. Если мои соседи об этом узнают, то мне не поздоровится.

– В результате слаженных действий Демократического альянса по сдерживанию агрессии России и Китая, военная инфраструктура противника полностью уничтожена, – весело сообщила диктор, говорившая на русском языке с легким балтийским акцентом. – По данным разведки враг обезврежен и не сможет оказать сопротивления. Как сообщает источник из Генерального штаба объединенных сил, в настоящее время на освобожденных территориях ведется работа по установлению надежного периметра для предотвращения проникновения беженцев из секторов, где применялось новое термоядерное и бактериологическое оружие.

В это время картинка на экране сменилась, и вместо мордашки диктора телевизор явил изображение Земли из космоса.

Дима невольно ахнул, а Мишка подавился колбасой...

Невооруженным взглядом было видно, что вся центральная и северная часть России, и почти вся территория Китая охвачена огнем.

Сразу же после этого пошел сюжет про то, как довольны люди, которые оказались на освобожденных территориях.

Мордатая тетка с хитрыми глазами радостно рассказывала о том, как она рада, что, наконец-то, справедливость торжествовала и ее Родина стала частью просвещенной Европы.

– Сво...лочи! – тихо прошептал Мишка, сжав кулаки. – Видела бы эта тварь, что эти просветители с Ленкой сделали.

Неожиданно с улицы донесся глухой рокот мощного мотора, какой-то тяжелой техники, проходившей возле дома. Аркадий тут же выключил телевизор и выскочил из комнаты.

Через несколько секунд погас свет.

Минут десять они сидели в темноте и прислушивались к дрожанию стен. Еще столько же они ждали после того, как рокот двигателей стих.

– Что-то случилось, – пришел к выводу Аркадий, как только вернулся обратно от генератора, включив свет. – Неспроста они технику среди ночи перебрасывают.

– Давайте еще раз телевизор включим, может, что узна-

ем, – предложил Зобов.

– Ничего мы там не узнаем, – осадил его хозяин подвала. – По телевизору усиленно мозги промывают, так что лучше выйти и посмотреть.

– Пошли, – подхватился Линевич.

– Сиди ты, – встал перед ним Аркадий, успевший сменить замызганный костюм на спортивные штаны и майку с длинным рукавом. – Комендантский час. Заметят – расстреляют. Город весь в огне. Сейчас, тем более во время ротации войск, лучше не выходить. Утро вечера мудренее. Отдохните у меня до утра, а там идите куда хотите, только без оружия теперь на улицах небезопасно. В меня еще в обед сегодня, какие-то пацаны стреляли из автоматов просто так... по приколу.

– Почему ты нам помогаешь? – спросил у него Дима, прислушавшись к его словам.

– Так... человек же я... Человек человеку друг... Тем более... сейчас, – просто ответил Аркадий. – Видел я как-ты сегодня камни обожженные ковырял, хотел тебя остановить, да решил, что лучше тебя сейчас не трогать... Бесполезно это было все... Никто не выжил, кто в этом доме был... И шансов у них не было...

– Ты видел, как это случилось? – тихо спросил Линевич, опустив глаза в пол.

– Видел... Дало так, что многоэтажки затрясло... Снаряд был не простой... Огненный смерч такой стоял, что у меня волосы на голове и бороде обгорели, хотя я в это время в

трехстах метрах был... Пришлось имидж поменять, – показал он на свою лысую голову и изрезанное бритвой лицо.

– Хорошо, – согласился, вновь потемневший лицом, Дима. – Передохнем у тебя, а утром мы пойдем в город... Спасибо тебе за помощь.

– Да, ладно, – отмахнулся Аркадий, взбивая тощий матрас. – Ложитесь спать. Ты на ящики с тушенкой залазь, а ты, толстый, ложись вон на те мешки при входе, – показал пальцем хозяин своим гостям спальные места. – Только осторожно там... Не елозь сильно.

– А что там? – поинтересовался Мишка, укладываясь на объемные черные мусорные пакеты.

– Так... Тряпки... Люблю, красивые вещи, – пояснил Аркадий и пошел выключать генератор.

– А без оружия я бы носа на улицу не высовывал, – высказал он свое мнения, кряхтя в темноте.

– Так может есть у тебя, Аркадий, и оружие тут где-нибудь в мусоре припрятанное? – зевая в темноте, вяло поинтересовался Мишка.

– Мусор у тебя в голове, дурень жирный, – зло отозвался хозяин подвала, – а это запасы на черный день, который, кстати, наступил сегодня утром двадцать второго июня. Нет у меня ничего. Только совок, да пика для сбора мусора нашей дворничихи Аглаи Степановны... Она хоть и была баба вредная, а все равно мне ее жалко... Ее те пацаны, что в меня стреляли, под вражеский танк толкнули, когда те шли по

проспекту Машерова... Бедная, даже ойкнуть не успела...

– Я знаю, где взять оружие, – сказал Линевиц и закрыл глаза.

Глава 2

I

Кто-то назойливо стучал в дверь...

Пес заходился истерическим лаем...

Виктор Хапнович, он же известный в определенных кругах как «Собака», почти всю ночь не спал.

Поначалу его мучали тревожные мысли по поводу его семьи. Вернее не именно из-за семьи, а из-за той миссии, ради которой он после того, как закончился ракетный обстрел города и силы альянса вошли в Брест, отправил их пешком к своей теще.

О том, что с его женой и тремя детьми, может по дороге на другой конец города что-то случиться, Хапнович не переживал. Жена Ленка могла выкрутиться из любой ситуации, тем более у нее при себе была карта поляка, которая не раз помогала им в их семейном бизнесе. Старшая дочь Полина была уже взрослая и имела свою голову на плечах. Тем более она уже давно знала, как правильно пользоваться своим телом. Если ее толпой и изнасилуют солдаты-освободители, то не велика беда... Бабы как курицы... Отряхнулась и пошла... Сын Леня быстро бегаёт. Тем более в десять лет он угрозы не представляет. Младшая дочка Женька в свои три года с

трудом говорила и именно по этому Витька считал, что она не его... Не его порода... В его роду все были оборотистые и нахрапистые... Поэтому ее не жалко, если что... А переживал он за свои кровно нажитые непосильным трудом деньги и купленные на них золотые побрякушки, которые были закопаны по всему двору у его тещи Вероники Семеновны.

После того, как его отца, заместителя одного из градообразующих предприятий, прихватили во время получения крупного «отката», Витька переквалифицировался из богатого оболтуса в контрабандиста. Сначала он прятал сигареты, которые сбывал сразу же предприимчивым полякам, пасшимся недалеко от погранперехода, в тайниках своей машины, но после того как его несколько раз заставили оплатить крупные штрафы и в конце концов конфисковали машину, Хапнович понял, что его целенаправленно сливают стражам границы либо его коллеги, либо на той стороне его же клиенты. Тогда он изменил тактику и стал работать по крупному. Теперь он загружал дешевый, но мощный автомобиль коробами сигарет под завязку и, предварительно договорившись через хороших знакомых с некоторыми офицерами, за определенную плату проходил за кордон через специальные коридоры в определенное время. Работал он усердно и почти без выходных. С теми, кто был его сильнее он был услужлив, а с обычными людьми зол и агрессивен, за что и получил свое прозвище «Собака».

Когда Хапнович уже считал, что жизнь удалась, то все рез-

ко изменилось...

Спустя некоторое время продажных офицеров посадили, а его начали поджимать коллеги по контрабандному цеху. Поэтому ему пришлось легализоваться и заняться торговлей стройматериалами. Открыв несколько маленьких магазинчиков, он удачно перепродавал то, что оптом заказывал через виртуальные магазины у крупных поставщиков.

Поздно ночью, решив для себя, что его теща Вероника Семеновна скорее кинется под танк, чем выдаст кому-то местонахождение его заначек, Витька попытался уснуть, но в это время новые хозяева привели в движение свою тяжелую технику, которая своим ревом моторов и лязганьем траков не давала ему уснуть почти до рассвета.

Наконец, только он забылся тревожным сном богатого человека, как кто-то принялся молотить ему в дверь его шикарной двухуровневой квартиры.

Несколько помедлив, Хапнович пришел к выводу, что это точно не соседи, которые знали его крутой нрав и предпочитали с ним не встречаться, а скорее всего это солдаты Демократического альянса, которым что-то от него нужно.

– Фидель, закрой пасть, падаль! – заорал припадочным голосом на всю квартиру Витька и, накинув на себя, украденный когда-то в курортном отеле, халат, поспешил к входной двери.

Камера видеозаписи, установленная на лестничной площадке, показывала темноту. «Собака» услужливо растянул

лоснящуюся харю в слащавой улыбке и распахнул дверь...

На пороге стоял одетый в широкий спортивный костюм вчерашний придурок, которому ему пришлось заткнуть рот, чтобы он не привлекал лишнего внимания, и его жирный дружок, у которого вываливался живот из-под явно ему маленькой женской розовой майки.

– Вы чего, твари! Берега попутали? – брызгая слюной, выдохнул из себя Хапнович. – Да я вас... «Фидель»...

Страшной силы удар ногой в лицо отправил «Собаку» в нокаут. Тут же из кухни, захлебываясь лаем и слюной, вылетел доberman и, буксуя лапами по шикарному паркету, бросился на незваных гостей, однако тут же упал пронзенный насквозь металлической пикой покойной дворничихи.

– Ты где так научился собак убивать? – удивленно спросил Линевич у Зобова, как только они захлопнули за собой входную дверь.

– Да, нигде, – смущенно ответил Мишка. – Я чемпион нашего университета по игре в дартс. Тут только дротик чуть тяжелее оказался.

– Ну... ты, даешь, – восхитился Дима, оглядывая труп доberman, которому пика вошла в череп между глаз и вышла через брюхо.

Вдвоем они приподняли бесчувственного хозяина и, приклонив его спиной к стене, принялись приводить его в чувство легкими пощечинами.

– Ленка, где золото? Молчи, дура, – бормотал, приходя в

себя Хапнович.

– Где твой карабин? – спросил у него Дима, схватив того за отвороты халата.

– Где надо, – оскалился прокуренными зубами «Собака».

Удар кулаком в зубы, Линевич мотнул Витькину голову назад, заставив ее соприкоснуться со стеной, отчего гулкое эхо огласило первый уровень квартиры и улетело по лестнице на второй.

– Под кроватью моей, – прошлепал окровавленными губами «Собака», затравлено поглядывая на Димин кулак.

– А где кровать? – спросил Линевич.

– Там, – показал в конец коридора пальцем Хапнович.

– Мишка, помоги, – попросил Дима у Зобова и они вдвоем, закрутив руки Витьке за спину, повели его по коридору квартиры.

– Здесь? – спросил Мишка, как только они подошли к комнате, уходящей по коридору налево.

– Нет, направо. Это спальня жены, – буркнул Хапнович.

– Ты, что? С женой в разных спальнях спишь? – удивился Дима.

– Ты, сопляк, с мое проживи, а потом будешь умничать, – прорычал согнутый болевым приемом Хапнович. – Хотя... вряд ли у тебя это получится, придурок.

– Народная мудрость гласит, – философски заметил Мишка, – что если ты не будешь ублажать в постели свою жену, то это рано или поздно будет делать кто-то другой.

– Ты то, уже молчал бы, жирдяй, – презрительно кривясь, процедил сквозь зубы «Собака». – Небось... даже бабу голую вживую ни разу не видел.

Не обращая внимания на слова хозяина квартиры, Зобов нырнул под широченную кровать в противоположной спальне и выудил оттуда охотничий карабин.

– Где патроны? – не отпуская с болевого руку Хапновича, коротко спросил Дима.

– Нет у меня патронов, – ответил Витька.

– Не ври, пожалуйста, – попросил Линеви́ч и завел Витьке правую руку еще дальше за спину.

– Сча... – прошипел от боли Хапнович, – отпусти руку... Сейф открою.

Когда Дима его отпустил, Витька еще несколько секунд сидел на полу, делая круговые движения плечами. Затем он поднялся и направился к раздвижному зеркалу, занимавшему собой почти всю стену напротив его кровати.

Друзья последовали за ним, не отставая ни на шаг.

«Собака» отодвинул одну из половинок зеркала в сторону, обнажив встроенный в стену большой сейф с ручным замком, и, покрутив несколько секунд по часовой стрелке колесо секрета замка, как только дверца сейфа щелкнула, забрался в него почти до пояса.

Линеви́ч жестом показал Зобову, чтобы он был внимателен.

И как оказалось не зря...

– Вот вам! – злорадно крикнул «Собака», резко повернувшись лицом к друзьям, и выкинул в их сторону правую руку с маленьким револьвером в ладони.

Выстрелить он не успел, потому что малахитовая шкатулка, метко брошенная рукой Мишки, неприятно шмякнув, вошла в лицо Хапновича и избавила его от дальнейших мирских переживаний, навсегда.

– Ты где так научился людей убивать? – удивился в очередной раз Линевиц.

– Нигде, – скромно ответил Зобов. – Я же тебе говорил, что в дартс хорошо играю. Шкатулка только немножко тяжелее оказалась, чем дротик.

Осмотрев сейф, Дима выудил оттуда две коробки патронов к карабину и одну коробочку маленьких патронов к револьверу.

– Тебе будет револьвер, а я себе возьму карабин. Только надо будет ствол ему укоротить, – решил за двоих Дима и направился к выходу.

Мишка немного помялся, и, прихватив из сейфа пачку денег, ходивших среди стран Демократического альянса, поспешил на выход из квартиры, в которой, благодаря ему, теперь остались лежать два трупа – «Собаки» и его добермана...

II

Они шли по утреннему городу на дистанции в пятидесяти метрах друг от друга, постоянно оглядываясь по сторонам. Направлялись они в сторону Южного микрорайона, чтобы выяснить, что с бабушкой и дедушкой Мишки, которые занимались его воспитанием после того, как его родители и младшая сестра погибли в страшной автокатастрофе на трассе «Брест-Москва», и заодно Дима хотел зайти к матери и переодеться.

О том, что с ней могло что-то произойти, Линевиц старался не думать.

На небе не было ни одного облачка за исключением огромной грозовой тучи, застилавшей собой весь горизонт в сторону севера, создавая тем самым уникальный контраст на фоне чистого аквамаринowego неба.

В воздухе по-прежнему деловито порхали птицы и дроны-наблюдатели.

На улицах города было весьма не многолюдно.

Редкие прохожие испуганно жались к заборам каждый раз как только на дороге появлялись агитационные броневые автомобили с мощными динамиками на крыше, раз за разом вещавшие о том, что для того, чтобы получить продовольствие и необходимые предметы первой необходимости, жителям «Освобожденных территорий» необходимо явиться с доку-

ментами, подтверждающими личность, в жандармерию, располагавшуюся в здании бывшей мэрии города.

Помимо агитационных машин по дорогам периодически проносились на большой скорости военные грузовики с наглухо задраенными тентами.

Холодный ствол обрезанного карабина приятно охлаждал под спортивным поношенным костюмом Аркадия правую ногу Димы, придавая ему уверенности в себе. Холодил ли револьвер что-нибудь Мишке, Линевиц не знал. Зобов очень сильно нервничал и от этого обильно потел. Поэтому Аркадий выдал ему перед выходом из подвала серый безразмерный легкий плащ, который больше походил на чехол от танка. В условиях надвигающейся жары, Мишка смотрелся в плаще более чем странно, но прикрепленный на его груди прозрачным Аркадием значок альянса, играл сейчас роль оберега, позволив им беспрепятственно миновать два блокпоста сил альянса, пройти мост и оказаться на противоположном берегу реки в районе Варшавского шоссе.

Шагая в противоположную сторону от границы, Дима только сейчас обратил внимание на то, что почти все военные грузовики сворачивали в сторону мусороперерабатывающего завода.

Заинтересовавшись, Дима ускорил шаг и через несколько минут нагнал, пыхтящего на жаре как паровоз, Мишку.

– Ты, видел? – спросил он у товарища, поравнявшись с ним.

– Да, интересный персонаж, – отозвался тот.

– Ты, про что? – изумился Линевиц.

– А ты? – в свою очередь удивился Зобов.

– Я про то, что все грузовики идут в сторону мусороперерабатывающего завода, а ты, что имел ввиду?

– Я вон про эту пожилую женщину в татуировках, – пояснил Мишка и взглядом показал в сторону худосочной старушки в белом ситцевом платье в голубой василек, все тело которой было покрыто цветными рисунками. Женщина шла им на встречу со стороны самого большого перекрестка в этом районе города, делившего его на несколько спальных районов.

Она двигалась очень медленно, потому что толкала перед собой загруженную какими-то тюками грузовую трехколесную тележку, видимо, позаимствованную из разрушенного прямым попаданием снаряда самого крупного строительного гипермаркета города, чадившего горелым пластиком чуть в стороне от перепаханной тяжелой техникой дороги.

Заметив товарищей, бабулька неожиданно быстро перебежала на их сторону дороги и остановилась, устало опершись локтями о тележку, внимательно вглядываясь в лица приближающихся к ней парней.

– Ребятюшки, помогите бабушке, – жалобным голосом взмолилась женщина, как только Дима с Мишкой поравнялись с ней.

Она хотела что-то сказать еще, но тут ее взгляд упал на

значок Демократического альянса, задорно бликовавшем на плаще у Зобова.

– А.. не надо... Я сама справлюсь... Нам не по пути, – тут же передумала бабулька, зло сверкнув глазами.

– Это... Вы не подумайте... Мы это так... Это для маскировки, – сбивчиво попытался объяснить Мишка, уразумев в чем дело.

Изумрудные зрачки женщины озорно засветились, что особо было видно на фоне избитых желтизной белков ее глаз.

– Вы волонтеры? – прямо спросила она.

– Нет... Нет... Мы свои... Мы наши, – затараторил Зобов.

– Это чтобы нас не лишней раз не трогали солдаты и волонтеры, – пояснил Дима, не отрываясь взглядом от искусно прорисованного красно-зеленого дракона на правой руке бабульки, хвост которого терялся где-то в районе ее шеи.

– Мы в Южный идем, чтобы узнать, все ли в порядке у моих бабушки и дедушки.

– Не надо вам никуда идти, – грустно подобрев лицом, сказала женщина. – Нет там больше никого...

– Как нет? – изумился Мишка.

– Вот так, – ответила та и, выдержав паузу, добавила: – Нет там больше живых людей... и района такого уже нет... Выгорело почти все. Все воинские части и все дома в радиусе пяти километров уничтожены. А когда огонь спал, то прошли по руинам отряды зачистки. Всех кто был еще жив...

добили. Так что нечего вам туда идти. Никому вы уже не поможете и сами пропадете.

От этих слов Мишкины губы задрожали.

– Я отомщу, – сжимая кулаки, прошептал Зобов, подняв голову к небу.

– Может быть и отомстишь... Если успеешь, – загадочно произнесла пожилая женщина. – При условии, что доживешь до этого момента.

– Что вы имеете ввиду? – загорелся интересом Дима, оторвав взгляд от витиеватых татуировок женщины.

– А то и имею, что у тебя в штанах или огромное хозяйство, или обрезанный ствол ружья, или винтовки.

– Карабина, – удивленно таращась, поправил женщину Линевич.

– А пухляш в этом плаще только привлекает лишнее внимание.

В это время со стороны чадающего строительного гипермаркета показалась большая колонна крытых вражеских грузовиков.

– Так, пухляш, не дергайся, – скомандовала старушка и вытащила из одного из тюков мощный охотничий нож.

Пока Мишка недоуменно вращал глазами, пытаясь понять, что происходит, женщина быстрыми и уверенными движениями профессионала, отрезала ножом рукава и полы плаща Зобова, превратив тем самым вещь похожую на чехол от танка в вполне приличную жилетку.

– Толкайте тележку и не поднимайте глаз, – приказала бабулька, молниеносным движением руки выхватив из штанов у Димы обрез карабина, который тут же спрятала в тот же тюк, куда и вернула обратно нож.

Мишка и Линевиц без лишних слов схватились за ручки тележки, на которую уже успела взобраться чудаковатая женщина, и что есть силы заработали ногами.

– Не гоните вы так, – сердито прошептала женщина, – не дай бог перевернете.

В это время мощный рокот тяжелых грузовиков приблизился к ним вплотную.

Старушка расплылась в широкой улыбке удивительно белых и ровных для ее возраста зубов и активно замахала в знак приветствия обеими руками.

Через минуту, когда колонна удалилась от них на несколько сотен метров, Дима наконец-то с нетерпением оторвал глаза от земли и проводил взглядом грузовики. Часть из них ушла через мост в сторону центра, а часть в сторону мусороперерабатывающего завода.

– А...а...а... Помогите... Где я? – слышался из под тюков на тележке мужской стон.

– Молчи, лейтенант, если жить хочешь. Лежи и не шевелись. Сейчас через мост переберемся, и будешь ты уже в безопасности, – быстро зашептала женщина, спрыгнув с тюков на землю.

– Кто там? – спросил, оторопевший от удивления, Зобов.

– Раненный военный наш... Контузило его... Я как раз там была в районе Южного, когда раненных добивали, вот и подобрала парнишку.

– А сейчас вы куда? – поинтересовался Дима.

– Эвакуируюсь я на тот берег, – показала пальцем в сторону центра бабулька. – Там у меня знакомец один есть у которого можно собраться с силами и дожждаться прихода наших.

– Наши идут? – в один голос спросили товарищи.

– Идут, идут, – недовольно буркнула старушка, – и вы за мной идите, если не хотите просто так погибнуть зря.

Мишка с Димой недоуменно переглянулись, но перечить странной татуированной женщине не решились.

Тележка, ведомая двумя «человеческими силами», уверенно покатила в сторону моста.

– А как вас зовут? – потя от натуги, решился наконец-то спросить Мишка.

– Любовь Анджеевна меня зовут, – ответила та.

– А можно я буду вас звать бабушкой Любой? – поинтересовался Зобов.

– Какая я тебе на фиг бабушка! – зло кинула через плечо, бодро шагавшая впереди тележки, женщина. – Мне только сорок семь.

– Извините, я не хотел вас обидеть, – еще сильнее покраснел лицом Мишка. – По вам так не скажешь. Вы чем-то болеете?

– Это последствия беспорядочных половых связей и

неуемной тяги к спиртному, – ни сколько не стесняясь, ответила Любовь Анджеевна и ускорила шаг.

По мосту в обе стороны шли люди.

В основном, поток хмурых и напуганных людей двигался из спальных районов, раскинувшихся на правом берегу реки, в сторону центра. В обратную сторону возвращалось лишь несколько человек, в руках у которых было по несколько бумажных пакетов с эмблемой альянса, из которых выглядывали края иностранных упаковок с продуктами питания.

– Если кормят, значит не все так плохо, – сделал вывод, шагавший за товарищами, плотно сбитый мужчина лет пятидесяти и, растолкав, двигавшихся впереди него людей, бегом бросился в сторону центра.

– Эй, сосед, ты куда так рванул? – окликнул его какой-то пожилой мужчина.

– Рвут на себе волосы такие дураки как ты, а я не рванул, а поспешил, – отозвался тот: – потому что жратвы на всех в этом городе точно не хватит.

Услышав это, размеренно шагавшие до этого горожане, заволновались и тоже ускорили шаг.

К этому моменту Любовь Анджеевна в сопровождении своих помощников уже прошла весь мост и свернула во дворы в сторону пляжа, откуда Мишка с Димой начинали сегодня свой путь.

– Долго нам еще идти? – спросил, выбившийся из сил, Зобов и нечаянно наехал колесом тележки на кусок металли-

ческой трубы, валявшейся на дороге.

Тележку ощутимо подбросило вверх, отчего верхние тюки чуть не упали на землю.

– А...а...а... – застонал под тюками раненный.

– Почти пришли, – ответила Любовь Анджеевна. – Надеюсь, Аркашка в своей конуре...

III

Когда на пороге его жилища неожиданно-негаданно появилась извечная обидчица, периодически совершавшая рейды по территории дворов, считавшихся его угодьями, и без зазрения совести потрошившая его источники доходов в виде мусорных контейнеров, возмущению, слегка выпившего с утра Аркадия, не было предела, что повлекло за собой выброс негодования из его организма в виде удушливых газов.

– Все... Остынь ты... Времена не те... Помощь твоя нужна, – проморгавшись, после того как ее глаза испытали на себе воздействие, вырвавшегося на волю негодования Аркадия, сдавленным голосом миролюбиво произнесла Любовь Анджеевна.

– Ах... ты... мошенница... Как ты нашла меня? – оправившись от первого шока, изумился хозяин убежища.

– А чего тебя искать? – в свою очередь удивилась женщина. – Тут все собаки в окрестностях знали про твою лежку.

– Может и знали, но войти никто без ключа не мог, – откры-

сился Аркадий.

– Они не могли, а я могла, – хитро улыбнулась Любовь Анджеевна, вытащив из-за пазухи массивный ключ от входной двери подвала.

– А...а...а... – потерял дар речи Аркадий, который до этого считал, что ключи от входной двери подвала остались лишь в двух экземплярах: у него и у ныне покойной дворничихи Аглаи Степановны.

– А твою конуру, когда тебя здесь не было, я вообще ногтем открывала, – решила до конца выдать матку-правду Любовь Анджеевна. – Иногда спиртным у тебя разживалась втихаря, а иногда тебе тут и пакостила в отместку за то, что не давал нормально мне работать. А все потому, что о системе безопасности своего жилища нужно думать более ответственно.

– А...а...а... – продолжал лишь издавать пораженный Аркадий, который только теперь догадался почему иногда его матрас, когда он возвращался из очередного рейда, пахнул не его мочой.

– Все. Успокойся. Мне срочно нужна твоя помощь, – не теряя времени даром, перешла к делу женщина. – У меня, там в тележке, раненый солдат, который у тебя отлежится немного.

– Что? – испуганно вытаращил глаза хозяин.

– Не бесплатно конечно, – сразу же решила внести ясность Любовь Анджеевна. – Я там тебе много полезного барахла

притаранила, которое тебе пригодится, а когда придут наши, это тебе еще и зачтется.

– Наши идут? – вышел из ступора Аркадий.

– Это расскажет тот человек, которого я к тебе привезла. Поэтому оторвись от своего матраса и открой грузовые ворота, пока доброжелатели не сообщили о том, что у меня кто-то стонет в тележке.

– Если я запущу механизм, то весь дом узнает, что у меня есть доступ к халявному электричеству, – возразил Аркадий.

– Тогда откроем ворота вручную.

– Сил у нас двоих не хватит.

– У меня есть помощники, – хитро подмигнула Любовь Анджеевна и подтолкнула к выходу из комнаты Аркадия.

Через несколько минут, после того как хозяин подвала снял внутренние блокираторы с грузовых ворот, специально предусмотренных на случай ремонта сложных сантехнических систем, и вышел к основному входу, его опять охватило негодование.

– Вы? – прошипел сквозь зубы он в сторону, мявщихся возле тележки, Зобова и Линевича.

– Это не мы ее привели. Она сама пришла, – виновато произнес Мишка, испуганно поглядывая на мимо проходящих людей, совсем не обращавших на них внимания.

Аркадий лишь досадливо сплюнул на землю коричневой слюной из смеси дорогого виски с шоколадом и схватился за тележку.

Только они вчетвером закрыли тяжелые металлические ворота и оказались в полумраке аварийного освещения, как Любовь Анджеевна тут же всем приказала носить по узкому техническому проходу тюки с тележки в комнату хозяина.

Под верхними пакетами оказался молодой лейтенант в обрывках формы войск радиоэлектронной борьбы. Его руки и нижняя часть тела были сильно обожженными, но грудь и голова, за исключением сочащейся из ушей крови, были относительно целыми.

– Аркашка, бери его за ноги, а я возьму его за руки, – командовала Любовь Анджеевна и пока ребята с хозяином стояли с разинутыми ртами, первой схватила офицера за подмышки.

– Ага, – согласился Аркадий и взялся за обожженные ноги раненого.

– А...а...а... – застонал не приходя в сознание офицер.

– Куда ты прешь его вперед ногами! – прикрикнула на Аркадия Любовь Анджеевна и развернулась с раненым спиной к проходу.

Как только они удалились, Мишка и Дима продолжили разгружать тележку.

– Ой! – вскрикнул Зобов, как только они сняли очередной тюк с чем-то увесистым внутри.

На них смотрел застывшими глазами мертвый польский солдат, которого они вчера видели на машине заграждения.

– Шклянки-банки! – выругался, вернувшийся в это время

обратно, Аркадий.

– Трупак нужно припрятать, – деловито произнесла за их спинами Любовь Анджеевна.

– Люба – тварь! Зачем мне тут это?! – прошипел сквозь зубы Аркадий, показывая пальцем на мертвого солдата альянса.

– Не мандражируй. Я с него сняла коммуникатор, – поспешила успокоить хозяина подвала женщина.

– У них у каждого маячки вживлены. Нас же вычислят и всех порешат, – заскулил Аркадий.

– Я не дура? – возразила Любовь Анджеевна. – Я что? Зря в воздушно-десантных войсках пятнадцать лет отслужила?

Она деловито откинула с трупа какую-то тряпку и подняла вверх заочневшие руки трупа.

Мишку сразу же вырвало...

У трупа отсутствовали обе кисти рук.

– Маяки у бойцов в армии Демократического альянса вживлены между большим и указательным пальцами. Поэтому я решила не гадать и отрубилась обе кисти, – обнадежила их Любовь Анджеевна.

– А...а...а... – застонал хозяин подвала.

– Успокойся, – осадил его удивительная женщина. – Прикопай его где-нибудь.

– Как я его в бетон прикопаю? – зло огрызнулся Аркадий.

– Молча! – рыкнула в ответ Любовь Анджеевна. – Положи пока под трубы, потом ночью вынесем подальше.

IV

За полчаса, пока Аркадий прятал где-то в подвале труп, Любовь Анджеевна успела навести в жилище свои порядки, выкинув половину его скарба в коридор.

Когда он вернулся, та уже успела обколоть лейтенанта обезболивающим, обработала его ожоги какими-то мазями и поставила восстанавливающую капельницу.

– Такой плащ испортил, – страдальчески шептал хозяин подвала, осматривая укороченный вариант обновки, утром щедро выделенной во временное пользование Мишке.

– Есть будешь? – спросила Любовь Анджеевна, когда тот, не найдя своего матраса, уселся на небольшой пластиковый контейнер, который Мишка с Димой принесли последним.

– Буду, – недовольно буркнул Аркадий, приняюхиваясь к запаху тушенки из самонагревающегося контейнера армейского спецпайка, и включил телевизор в сеть.

Жуя теплое ароматное мясо, Дима понял, как он был до этого момента очень сильно голоден. Сыр с колбасой и шоколадом из запасов Аркадия не шли ни в какое сравнение со вкусом говядины спецпайка, которым Любовь Анджеевна где-то изрядно запаслась.

– Откуда жратва такая? – поинтересовался хозяин подвала, слушая без интереса ту же молодую дикторшу, которая, как и вчера, с энтузиазмом рассказывала и новой сладкой

жизни на освобожденных территориях. – Ты что? Военный склад почистила?

– Успела забежать на резервный склад по прежнему месту службы, – ответила та, вливая через трубку в горло раненного, какую-то белую субстанцию.

– Вы вправду служили в ВДВ? – восхищенно спросил Мишка, уплетавший в это время уже вторую порцию.

– Я была военным медиком, – бесстрастно ответила та.

– А что... – открыл было рот Зобов, но Любовь Анджеевна его оборвала.

– Тише, – властно приказала она и показала пальцем на телевизор.

– Однако, не смотря на то, что власти пытаются наладить жизнь гражданского населения города, сепаратисты из числа приверженцев диктаторского режима пытаются оказывать сопротивление, – официальным тоном сообщала диктор. – Приказом коменданта города пана Квасневского, эти люди объявлены вне закона. В случае попыток совершения террористических актов, сепаратисты будут уничтожены на месте. Власти города, в целях нормализации мирной обстановки, будут выплачивать вознаграждение всем заинтересованным в безопасной жизни лицам, которые будут сообщать о сепаратистах. На этом выпуск новостей закончен. Напоминаю, что через восемь часов начнется комендантский час, – подытожила девушка.

Потрескавшийся экран засветился полуобнаженными те-

лами молодых людей, задорно танцевавших под ритмичную музыку.

Аркадий выключил телевизор.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина, прорежаемая лишь тихими стонами раненного офицера.

– Отлично, – нарушила молчание Любовь Анджеевна.

– А что отлично? – удивился Дима.

– А то, что есть очаги сопротивления, а значит не все так плохо, – пояснила женщина.

– Любка, ты что? Воевать собралась? – давясь смехом и тушенкой, поинтересовался Аркадий.

– Воевать – нет, – на полном серьезе ответила та. – А вот сопротивляться – да.

– На, лучше, водочки глотни, – протянул ей початую бутылку со спиртным Аркадий, испуганно заглядывая ей в глаза.

– Мы с вами! – восторженно подхватился Мишка.

– Молчи, жирдяй, – оскалился гнилыми зубами Аркадий. – Вояка нашелся.

– На той стороне, – заговорила Любовь Анджеевна, вкалывая раненному очередной укол: – всех наших военных кого не уничтожили, взяли в плен. Всех мертвецов вывозили на машинах на мусороперерабатывающий завод, а тех, кто остался жив, вывозили в сторону центра города, где находится концентрационный лагерь.

– Откуда вы это знаете? – спросил Дима.

– Это мне успел поведать тот мертвяк, который теперь где-то лежит в этом подвале, перед тем как я ему сломала кадык, – ответила женщина.

При упоминании о мертвом солдате альянса, Мишка посерел лицом и еле сдержал приступ рвоты.

– Э...э... Жирный, не вздумай, – всполошился Аркадий, наблюдая за ним.

– Поэтому я пришла сюда к тебе, чтобы быть поближе к центру, – закончила Любовь Анджеевна, обращаясь конкретно к хозяину подвала.

– Что-то не понял, – насторожился Аркадий.

– Мы проведем рекогносцировку на местности и установим местонахождение концентрационного лагеря. После чего организуем побег пленных и вооружим их, – пояснила храбрая женщина.

– Любка, ты дураковатая с детства или болееешь чем-то? – ехидно поинтересовался Аркадий. – Ладно, пацаны эти по молодости дурью занимаются, а ты что себе напридумывала? Надо сидеть тихонечко и ждать, пока наши не придут. Ты же сама говорила, что они на подходе.

– Говорила не я, а он, – показала она пальцем на раненого. – А ждать пока тебя прихлопнут освободители, я не собираюсь... Это наша земля... Лейтенант говорил, что задействован какой-то секретный план, но что за он, мне не известно.

– Ты шутишь? – с надеждой в голосе спросил Аркадий.

– Нет, – ответила Любовь Анджеевна. – Брест – это плацдарм для полномасштабного развертывания сухопутных войск альянса. Поэтому город и не стерли с лица земли. Устроив в глубоком тылу врага переполох, мы, возможно, поможем нашим войскам.

– Вот именно, что возможно, – возразил Аркадий. – Я никогда не воевал и оружия в руках держать не умею.

– Главное, чтобы ты умел держать язык за зубами, – осадила его Любовь Анджеевна. – Мне нужно, чтобы этот офицер выжил, потому что он должен передать кому-то важную информацию. И я выполню свой долг перед Родиной, хоть я и капитан запаса.

– У меня Родина все отобрала, а если я сейчас еще и отдам жизнь за нее, то вообще будет обидно, – в свою очередь взвился Аркадий.

Мишка и Дима тихонько молчали и не вступали в серьезный разговор между татуированной женщиной и хозяином подвала. Каждый из них понимал, что то, что она предлагает, находится на грани безумства, но при этом каждый из них был уверен, что они пойдут за этой женщиной, чтобы отомстить за смерть дорогих их сердцу людей.

– Пи...ть, – неожиданно подал голос раненный.

– Сейчас милый, сейчас, – засуетилась отважная женщина.

– Где я? – сделав несколько глотков минеральной воды, спросил лейтенант и обвел мутным взглядом комнату.

– Ты среди своих, – стала его успокаивать Любовь Анджеевна. – Все хорошо.

– Мне... надо... встретиться с коррективщиком, – слабым голосом прошептал лейтенант. – План... «Чипolino»... в действии... Надо... передать часть кода...

– Кому? Что передать? – осторожно переспросила Любовь Анджеевна, присев на коробки, на которых лежал раненный.

– Во мне... маячок... Он... должен найти... Пароль... Собаки стали очень агрессивные... Ответ... Это ... бешенство, – еле прошептал лейтенант и потерял сознание.

– Ему надо набраться сил. Он слишком слаб, – пришла к выводу женщина, поправляя импровизированную подушку в виде полиэтиленового пакета под головой у офицера.

– Он бредит, – хорошенько глотнув из бутылки водки, пришел к выводу Аркадий.

– Может и да, а может и нет, – задумчиво произнесла Любовь Анджеевна. – Нам надо всем отдохнуть. Дай глотнуть, – протянула она руку к Аркадию и, не дожидаясь разрешения, выхватила у него бутылку.

Опустошив в два глотка оставшуюся половину бутылки, Любовь Анджеевна принялась деловито распаковывать тюки, которые она сложила у входа в комнату.

К удивлению всех присутствующих она извлекла оттуда несколько автоматов, два портативных гранатомета, несколько десятков осколочных гранат, несколько цинков с патронами и одну противотанковую мину.

Затем, пока Аркадий, Мишка и Дима удивленно роняли из открытых ртов на пол слюну, она выудила из груди тряпья небольшой пластиковый контейнер и принялась любовно доставать его содержимое.

Когда оттуда на свет появились миниатюрный скоростной пулемет, тактический шлем в виде обруча и несколько хитрых планок, она наконец-то решила пояснить:

– Это новейший экзоскелет, который стоит многих вражеских жизней. Весит он всего лишь пару килограмм, но дает невероятные возможности...

– Ага, – закивали как китайские болванчики головами, пораженные парни.

Аркадий недовольно скорчился и картинно уставился в потолок.

– А теперь пора спать. Завтра с игрушками разберемся. Аркаша, будь любезен, выключи свет, – тоном, не терпящим препирательств, попросила удивительная женщина.

Аркадий, молча, пошел в коридор...

Дима вытащил из запасов хозяина подвала бутылку водки и хорошенько к ней приложился. Тоже сделал и, смотревший на Любовь Анджеевну влюбленными глазами, Мишка

Через несколько минут, когда все улеглись, Аркадий тихонько спросил:

– Любка, а чего тебя из армии поперли?

– Я сама уволилась, – ответила в темноте та.

– А чего?

– Потому что...

– Стыдно сказать?

– Нет.

– Так, а что?

Любовь Анджеевна недовольно засопела, но через мгновение решила ответить.

– Был у меня роман с замполитом. А у его жены был роман почти со всеми офицерами и даже простыми солдатами нашей части... Внезапно, почти все военнослужащие мужского пола заболели гонорей, а через замполита и я... Поднялся скандал... Замполит не мог запятнать честь своего мундира, признав, что его жена потаскуха... Поэтому во всем обвинили меня и дали выговор за разложение дисциплины... Такого предательства со стороны Гриши я не ожидала, потому что считала, что он меня любит... А он оказался... обычный скот... Вот я и уволилась, а потом с горя и пустилась во все тяжкие, пока дна не достигла.

Повисшую тишину нарушало лишь тяжелое дыхание раненного...

Через несколько минут Аркадий спросил:

– Любка, так это ты как? Слабая на передок?

– Пошел ты, – ответила та.

– Как ты смотришь на страстный секс при свидетелях? – возбужденно выдыхая перегар, поинтересовался хозяин подвала. – А то во мне гормоны гуляют.

– В тебе водка гуляет, а не гормоны. Спи, ловелас обшар-

панный, – не зло ответила Любовь Анджеевна.

– У...а...а... – нарушил интим Мишка, невольно срыгнув на пол водку с тушенкой.

– Вот связался на свою голову, – недовольно пробурчал Аркадий. – Мало того, что плащ испортил, так еще и продукты переводит.

– Извините, – виновато отозвался Мишка, но Дима этого уже не слышал, потому что крепко уснул...

Глава 3

I

Следующее утро выдалось необычайно холодным.

Теперь листья деревьев свернулись не от жары, а от холода.

Казалось, что еще немного, и вот-вот пойдет снег.

Солнце по-прежнему задорно светило с неба, но температура воздуха больше подходила для начала ноября.

Огромная грозовая туча, висевшая до этого далеко на севере, набухла и заметно приблизилась к городу. Возможно, она и послужила причиной такого резкого похолодания...

Было около десяти часов утра.

Жизнь в городе начала входить в привычное русло. Горожане деловито спешили к зданию городской мэрии, чтобы получить очередной паек. По дорогам помимо агитационных машин и грузовиков, сновали и гражданские автомобили. Делали они это робко, подолгу стояли на отключенных перекрестках, пропуская вперед военную технику, но чувствовалось, что люди уже привыкают к новому порядку.

Молодой симпатичный мужчина в темном свитере, строгих серых брюках и щегольских лакированных туфлях на босу ногу не спеша катил по проспекту Машерова инвалидную

коляску, в которой сидела и куталась в серую шаль милостивая пожилая женщина, почему-то считавшая нужным поздороваться с каждым встречным.

– Доброе утро, – в очередной раз улыбнулась шикарными белыми зубами пожилая симпатичная дама, шедшей навстречу ей женщине средних лет. Та лишь в ответ покрутила у себя у виска указательным пальцем и еще сильнее прижала к себе котомки с провизией, попутно окинув хозяйственным взглядом разбитую витрину выпотрошенного обувного магазина.

– Любовь Анджеевна, мы привлекаем к себе лишнее внимание, – недовольно шептал Дима, пытаясь не шевелить губами.

– Мы не привлекаем лишнего внимания, а лишь заставляем к нам привыкнуть. Толкай тележку и смотри по сторонам внимательно, – улыбалась та в ответ. – Как там наше прикрытие? – поинтересовалась она.

В это время их прикрытие в лице Мишки Зобова, которое в обтягивающем спортивном костюме очень походило на сумоиста пенсионного возраста, понуро тянулось позади них в ста метрах и старательно заглядывало в пакеты каждому встречному.

Из-за того, что его вечером вырвало, он целое утро выслушивал упреки со стороны хозяина подвала, а затем в наказание получил от него только одну порцию пайка. Теперь Мишка мучался от голода и совершенно забыл, что ему

необходимо обращать внимание на тех, кто будет внимательно следить за Линевичем и пожилой женщиной, чтобы потом по окончании разведывательной миссии обо всем увиденном доложить их командирше.

Пока Мишка внимательно изучал содержимое пакетов встречаемых людей, его в свою очередь внимательно изучал один из разведывательных дронов, зависший над ним в пятидесяти метрах от поверхности земли...

Через несколько минут оператор потерял к нему интерес и к большому удовлетворению Любви Анджеевны, незаметно поглядывавшей в сторону Мишки, унесся в небо.

Только они свернули в сторону центральной площади, как сразу же уперлись в блокпост, на котором у всех желавших пройти дальше, проверяли наличие документов, удостоверяющих личность, либо спрашивали пропуска, выданные новой администрацией города.

Ни того, ни другого у Линевича, Любви Анджеевны и тем более у Мишки не было, поэтому они свернули в сторону и направились по дороге к стадиону. Однако и тут им пройти не удалось, потому что эта дорога была перекрыта грузовиками, а на стенах стадиона вообще стояли по периметру пулеметчики.

– Разворот, – скомандовала Любовь Анджеевна, увидев крупнокалиберные пулеметы. – Двигаемся в сторону ближайшей многоэтажки в сторону крепости.

Дима беспрекословно развернул инвалидную коляску на

сто восемьдесят градусов и только сейчас обнаружил, что из его поля зрения пропал Мишка.

Оказалось, что тот уже стоял возле первого блокпоста и жестами пытался объяснить ничего не понимавшим по-русски солдатам альянса, что он потерял документы, а кушать очень хочется. Солдаты весело смеялись и тыкали по очереди его в живот дулами автоматических винтовок до тех пор, пока к ним не подошел переводчик и не отвел Зобова в отдельный кунг, где его сфотографировали, сняли на сканере отпечатки пальцев и взяли образцы слюны.

Через несколько минут Мишка стоял уже в очереди за продуктами у одного из грузовиков и показывал издали Диме жестами, что он скоро вернется в убежище сам.

– Пухляш то... не надежный, – процедила сквозь зубы Любовь Анджеевна. – Как бы, не подставил он нас.

– Он немного растяпа, – возразил ей Дима: – но нас не подставит... По крайней мере специально, – через несколько секунд добавил он, направляясь с коляской в сторону крепости.

Решив, что к самой цитадели, в которой активно кипела хозяйственная деятельность альянса, завозившего туда военную технику, вплотную приближаться не стоит, они добрались до первой многоэтажки и, оставив коляску внизу, пешком поднялись по лестнице на верхние этажи. Там Любовь Анджеевна выудила из-под полы широкой юбки армейский бинокль и принялась осматривать прилегающую терри-

торию.

– Так я и думала, – наконец выдала она. – Концентрационный лагерь на стадионе.

Дима прильнул к окулярам бинокля в руках у женщины и сфокусировался на происходящем...

На футбольном поле стадиона на земле сидели и лежали в разных позах около двух тысяч людей в форме. Были тут и военные, и правоохранители, пограничники и даже спасатели. Были среди них и несколько десятков людей в штатском. На трибунах разместились несколько пулеметчиков, которые откровенно скучали и с интересом поглядывали в сторону пунктов выдачи продуктов, где периодически появлялись молодые девушки.

Дима направил в сторону площади бинокль и ахнул...

Среди грузовиков с провизией важно расхаживал невысокий увалень и начальствующе тарасил свиные глазки.

Сожко Пашка вырядился в черные брюки и рубашку, нацепив поверх тактический разгрузочный жилет альянса, а на каждую руку еще в придачу и повесил повязку волонтера. Напыщенный своим превосходством, он не спеша прогуливался среди грузовиков и отдавал указания таким же прихлебателям, выдававшим пайки гражданскому населению, что свидетельствовало о том, что он среди них главный.

В это время Любовь Анджеевна забрала у него обратно бинокль и продолжила изучить охрану концентрационного лагеря.

Неожиданно снизу послышались чьи-то голоса. Видимо, кто-то из соседей обнаружил инвалидную коляску, которую они оставили внизу. Любовь Анджеевна прижала к губам указательный палец и тихо, как кошка, на цыпочках стала спускаться вниз, пытаясь разглядеть в лестничном пролете обладателей голосов, живо обсуждавших между собой, откуда у них в элитном доме мог взяться инвалид.

Любовь Анджеевна вытащила из-под юбки массивный пистолет и тихонечко взвела курок, но тут голоса, наконец, замолчали и до них донесся звук хлопающих дверей.

Быстренько спустившись, Любовь Анджеевна спрятала обратно под юбку пистолет с биноклем, после чего они сразу же покинули подъезд, направившись в сторону своего убежища вдоль набережной, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, потому что остальные люди шли обратно от центра с пакетами в руках.

Аркадий их визиту не обрадовался, так как слегка дремал, успев с самого утра напиться.

Раненный офицер по-прежнему был без сознания, но уже не стонал.

Через час явился в подвал и радостный Мишка. Он с гордостью показал продукты питания, которые ему выдали как лицу без определенного статуса, пока его личность не будет до конца удостоверена.

Любовь Анджеевна до вечера не проронила ни слова. О чем-то усиленно размышляя, она хмурилась и постоянно

морщила лоб.

Только когда Аркадий очнулся и, отведав провизию «освободителей», пришел в себя, Любовь Анджеевна сочла нужным сообщить, что утром они пойдут в разведку опять в том же составе, а если Аркадий вновь зальет глаза, вместо того, чтобы ухаживать за раненым, она сломает ему обе руки...

II

Ночью выпал снег...

Тяжелая свинцовая туча вытянулась, полностью накрыв собой город. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь ее плотную завесу, отчего казалось, что сейчас не девять часов летнего утра, а поздний зимний вечер.

При этом туча периодически ходила бурунами, сопровождавшимися короткими вспышками разлапистых молний.

Дрожа от холода, Дима толкал впереди себя инвалидную коляску, отчаянно стараясь не поскользнуться и не упасть. Подошва щегольских туфель из запасов Аркадия совершенно не хотела сцепляться с припорошенным мелким снегом асфальтом, отчего ему казалось, что его ноги живут какой-то своей, доселе тщательно скрываемой от него, жизнью.

Рассуждая о том, что они правильно сделали, решив не брать в эту вылазку с собой Мишку, Линевич любовался угрожающей красотой тучи и в который раз старался не ду-

мать по поводу смерти своей Оли и их, так и не рожденного ребенка.

Почерневшие от жары листья деревьев и обгоревшие витрины разграбленных магазинов, которыми когда-то славилась центральная улица Бреста, резко контрастировали на фоне белого колючего снега. Редкие прохожие, зябко кутаясь в теплую одежду, спешили в сторону центра города к пункту выдачи питания.

Помимо погоды в городе изменилась и обстановка...

Агитационных машин на дорогах не было.

Закрытые военные грузовики Демократического альянса, деловито урча в унисон друг другу мощными двигателями, нескончаемой колонной шли в сторону выезда из города на север.

– Зашевелились, гады, – злорадно, не меняя приветливого выражения лица, процедила сквозь зубы Любовь Анджеевна и сильнее укуталась в слегка подванивающий сыростью плед.

– А? Что? – спохватился Линевиц, оторвав взгляд от завораживающих зловещих сполохов молний.

– В небе нет ни одного дрона, – сама с собой размышляла Любовь Анджеевна. – Да и птицы ни одной не видно... Что-то происходит.

Только после этих слов Дима обратил внимание на то, что под застилавшей собой все пространство до горизонта тучей, действительно ни чего и ни кто не летает.

Проезжая на коляске мимо разбитых витрин магазинов,

Любовь Анджеевна почему-то внимательно всматривалась в каждую из них и беспокойно потирала ладони.

Приблизившись к первому блокпосту до расстояния с которого можно было рассмотреть озабоченные лица солдат, Любовь Анджеевна приказала Диме развернуться и следовать обратно к их убежищу, как и вчера, вдоль набережной.

– Опять этот безликий, – озабоченно выдохнула она, только они свернули с центральной улицы и поехали вдоль городского сада.

– Кто? – удивился Дима и осмотрелся по сторонам.

– Не верти головой, – сердито цыкнула на него Любовь Анджеевна. – Смотри на дорогу и постарайся не вывернуть меня на землю.

Дима не удержался от соблазна и все-таки еще раз осмотрелся по сторонам. Однако кроме нескольких суетливых женщин, спешивших в сторону центра, он никого не заметил.

В это время, с треском ломая деревья, из глубины сада, сопровождаемые оглушительным ревом турбин, выкатилось несколько тяжелых необычного вида самоходных орудий. Их траки были намного больше, чем у обычных самоходок альянса, а на броне ни единого намека на люк. Вгрызаясь траками в землю и асфальт, они выехали из сада и не спеша потащились в сторону моста, оставляя на дороге глубокие зазубрины.

– Не спеши. Делай вид, что ничего не происходит, – про-

шептала Любовь Анджеевна и мило улыбнулась, вынырнувшим из подворотни двум мужчинам средних лет в черной униформе, с вышитой на груди эмблемой Демократического альянса.

– Стоять! – окрикнул Диму один из них, что ростом был пониже.

– Ваши документы! – потребовал другой, сухопарый волонтер с залысинами на голове, положив руку на пистолет, висевший у него под мышкой в оперативной кобуре.

– Здравствуйте, господа волонтеры, – заискивающе поздоровалась с ними Любовь Анджеевна. – Мы не брали с собой документы, – продолжила она улыбаться. – Я инвалид, а это мой сын. Мы просто вышли прогуляться по набережной. Снег в эту пору года очень редкое явление, вот мы и решили посмотреть.

– Что-то не похож он на твоего сына, – подозрительно прищурился сухопарый, извлекая пистолет из кобуры. – Документы!

Только Любовь Анджеевна открыла рот, чтобы что-то ответить, как низкорослый волонтер, плечом оттолкнул Диму и резким ударом ноги перевернул коляску.

Охнув, женщина выпала из коляски на асфальт, неуклюже уткнувшись в него лицом. Из-под пледа на землю вылетел, стоявший на вооружении отрядов специального назначения, отечественный пистолет «Тихоня», который, глухо звякнув рукояткой о спицы коляски, отскочил прямо под ноги сухо-

парому.

Пока тот недоуменно переводил взгляд с пистолета на разрисованный разноцветными татуировками, оголившийся при падении из-под задравшейся юбки, тощий зад Любви Анджеевны, а затем на скрытоносимые кобуры на ее бедрах и обратно, низкорослый волонтер, который оказался чуть посообразительней, выхватил пистолет и навел его прямо в лоб Линевичу.

– Стоять, твари, не двигаться! – проорал он, но его никто не услышал, потому что в это время у них над головами в небе, почти касаясь винтами верхних этажей домов, с хищно оскалившимися пилонами, пролетели три остроносых вертолета альянса.

От завихрения, вызванного работой винтокрылых машин, острый, непривычно колющий снег взвился вверх и обдал их волной холода на мгновение, запорошив всем глаза. Линевич инстинктивно прикрыл на секунду лицо левой рукой, а когда ее убрал, то низкорослый катался на спине по асфальту, держась руками за горло, а сухопарый удивленно всматривался в дуло «Тихони», который к этому времени был уже в руках у Любви Анджеевны.

– Шпок, – тихонечко выплюнул из себя свинец «Тихоня» и сухопарый удивленно уже таранился остекленевшим взглядом в тучу.

Вторым выстрелом женщина избавила низкорослого волонтера от мучений, безуспешно пытавшегося вернуть вы-

ломанный кадык на место.

– Быстро... Уходим, – отрывисто кинула Любовь Анджевна и с необычайной ловкостью запрыгнула обратно в коляску, успев попутно спрятать «Тихоню» обратно под юбку.

Пока Дима сообразил, что нужно делать, как произошло невероятное...

В вертолеты, которые за это время, понадобившееся женщине для того, чтобы ликвидировать волонтеров, не успели пройти и двух километров, из грозовой тучи ударило сразу несколько ярко-красных молний...

Два из них сразу же разлетелось на куски.

Третья трехвинтовая машина задымила и резко ушла с курса в сторону. Ее правый винт сорвался с крыла и полетел на землю сам по себе. Словно раненная птица, припадая на обломок правого хвоста, вертолет задрал хищный нос и стал медленно опускаться где-то в районе Тришинского кладбища. Однако когда он опустился до уровня обломанных случайными снарядами крыш многоэтажек, из свинцовой пелены вырвался огненный шар и устремился в сторону вертолета.

Яркая вспышка взрыва осветила небосвод...

Сразу же со стороны восточной части города, в то место, откуда из тучи вырвались смертоносные молнии, ударила тяжелая артиллерия альянса...

С противным воем, разрывая воздух, снаряды безвестно пропадали внутри сплошного грозового одеяла, не считая

нужным известить на прощание своих хозяев даже звуками разрывов.

– Быстрее, быстрее. Домой! – приказала Любовь Анджевна, не отрывая взгляда от того места в небе, где снаряды исчезали в небытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.